Изданіе Вятскаго Товарищества
„Народная Библіотека“.

Е. Волкова.

Патріархъ Гермогенъ.

Историческій очеркъ.

на 20 коп.

С.-Петербургъ.
...нія: Книжный Складъ „Провинція“. Спб., Стремянная, 6.
1913.

Изданіе Вятскаго Товарищества
„Народная Библіотека“

Е. Волкова.

Патріархъ Гермогенъ.

Историческій очеркъ изъ эпохи смутнаго времени.

1610—1612.

ИЗДАНІЕ ПОМѢЩАЕТСЯ:
въ Петербургѣ въ книжн. складѣ „ПРОВИНЦІЯ“ и М. М. Стасюлевича,
въ Москвѣ въ книжн. скл. Бр. Башмаковыхъ и „НАУКА“.
1913.

4463

Патріархъ Гермогенъ.

ГЛАВА I

Патріархъ Гермогенъ.—Печальныя думы его о судьбѣ родной земли.

Было лѣто 1610 года.

Темная іюльская ночь спустилась надъ Москвой...

Душно въ патріаршей кельѣ, пропитанной запахомъ ладана и сухихъ душистыхъ травъ. Тихо мерцаютъ лампады, зажженныя передъ иконами въ переднемъ углу, и мягкимъ свѣтомъ озаряютъ высокую энергичную фигуру патріарха Гермогена, который ходитъ по кельѣ.

Несмотря на поздній часъ, патріарху не спится. Онъ взволнованъ, удрученъ событіями послѣднихъ дней.

Бывалое ли дѣло! Мятежная толпа самовольно свела съ престола законнаго государя Василія

Ивановича Шуйскаго и насильно постригла его въ монахи! Много страшныхъ дѣяній видѣла Русь за послѣдніе годы, ну а такого дѣла еще не бывало!

Суровое лицо патріарха обращается въ передній уголъ. Большіе, темные глаза съ мольбой глядятъ на ликъ Спасителя, и въ ночной тишинѣ явственно раздается его шопотъ:

«Видно, прогнѣвался Богъ на русскую землю, коли терпитъ такое беззаконіе!»

«За неправды царя Василья страдаемъ! Нѣтъ счастья русской землѣ, потому неправдою сѣлъ онъ на царство, безъ вѣдома земли, самовольно, умысломъ немногихъ людей, учинился на престолѣ!»

Такъ кричали мятежники, собравшіеся на всенародную сходку—дворяне, дѣти боярскіе и всякіе прочіе служилые люди. И его, патріарха, неволею притащили на сходку, чтобы и онъ, вмѣстѣ съ другими, просилъ царя объ оставленіи царства. Не хотѣлъ того патріархъ, пробовалъ унять буйную толпу, а его и слушать не стали, толкали, плевали ему въ лицо! Такъ противъ его воли и совершили беззаконное дѣло...

«Не стало въ людяхъ страха Божія, мятежный духъ обуялъ всѣхъ. Что и говорить, не легкое дѣло быть патріархомъ въ такое время!»

Не въ первый уже разъ Гермогенъ сѣтуетъ на то, что судьбѣ угодно было, чтобы онъ сталъ патріархомъ въ такія тревожныя времена. До той поры онъ жилъ въ Казани, гдѣ былъ митрополитомъ.

Казанская земля, завоеванная Грознымъ царемъ, была населена татарами, черемисами, чува-

шами и другими инородцами. По настоянію русскаго духовенства, многіе изъ нихъ крестились, но оказались плохими православными, и продолжали совершать свои языческіе обряды. Сначала Гермогенъ пробовалъ увѣщевать ихъ поученіями, но поученія не дѣйствовали. Тогда онъ обратился къ Московскому правительству съ просьбой принять болѣе рѣшительныя мѣры для вразумленія новокрещенныхъ. Это было еще въ 1593 году, когда на Руси царствовалъ сынъ Грознаго царь Федоръ Ивановичъ, а за его малоуміемъ государствомъ управлялъ шуринъ его, Борисъ Годуновъ. Правительство откликнулось на просьбу Гермогена. Изъ Москвы послѣдовалъ приказъ собрать со всего Казанскаго уѣзда новокрещенныхъ, населить ими отдѣльную слободу, построить въ ней православную церковь, а надъ слободой поставить начальника изъ боярскихъ дѣтей, который бы строго слѣдилъ за соблюденіемъ ея жителями православныхъ обрядовъ. Непокорныхъ приказано было сажать въ тюрьмы, держать на цѣпи и бить...

Умеръ царь Федоръ, его смѣнилъ царь Борисъ Годуновъ. Тогда мѣсто его на московскомъ престолѣ занялъ человѣкъ, назвавшій себя братомъ покойнаго царя Федора Ивановича, Дмитріемъ Ивановичемъ, который еще въ дѣтскихъ годахъ былъ убитъ въ Угличѣ, гдѣ проживалъ со своей матерью, седьмой женой Грознаго. Въ царствованіе этого названнаго Дмитрія Гермогену пришлось засвидѣтельствовать свою ревность къ православію. Когда новый царь задумалъ взять себѣ въ жены католичку Марину Мнишекъ, Гермогенъ, бывшій въ то время въ Москвѣ, рѣшительно настаивалъ на крещеніи невѣсты католички. За такую неугод-

ную царю Дмитрію настойчивость казанскому митрополиту пришлось поспѣшить убраться въ свою епархію. Оттуда онъ былъ вызванъ уже царемъ Васильемъ Шуйскимъ, который съ помощью заговора погубилъ названнаго Дмитрія и 17 мая 1606 года былъ возведенъ на Московскій престолъ небольшой кучкой своихъ приверженцевъ. По волѣ новаго царя митрополитъ Гермогенъ сталъ московскимъ патріархомъ! Но бороться съ новокрещенными инородцами оказалось куда легче, чѣмъ занимать высокій постъ патріарха въ царствованіе Василья Шуйскаго!—Тревожно было это царствованіе, продолжавшееся четыре года. Все оно прошло въ безпрерывной борьбѣ съ мятежами и возстаніями.

Уже давно было неспокойно на Руси. Всѣ классы русскаго общества были недовольны своимъ положеніемъ, всѣ жаждали перемѣнъ къ лучшему. Это всеобщее недовольство обезпечило побѣду первому Самозванцу, назвавшемуся сыномъ Грознаго царя, Дмитріемъ. Это же недовольство различныхъ классовъ подняло движеніе и противъ Шуйскаго. Движеніе началось въ той же «преждне погибшей Украйнѣ» *), которая въ 1605 году поднялась за названнаго Дмитрія и помогла ему занять Московскій престолъ. Противъ царя Василья поднялись прежде всего низшіе классы, которымъ приходилось тяжелѣе другихъ отъ непосильныхъ поборовъ, отъ произвола царскихъ слугъ, отъ постепеннаго закрѣпощенія ихъ помѣщикамъ. Во главѣ ихъ сталъ бѣглый холопъ Болотниковъ. Смѣлый, искус-

*) Нынѣшнія Черниговская, Курская и Орловская губерніи.

ный вождь, онъ призывалъ низшіе классы мстить высшимъ классамъ за всѣ ихъ обиды и притѣсненія. По всему государству онъ разсылалъ «воровскіе листы», въ которыхъ призывалъ холоповъ и крестьянъ «побивати» бояръ, гостей и торговыхъ людей, «животы ихъ грабить, а женъ ихъ, вотчины и помѣстья брать за себя. Движеніе росло. Къ нему примкнули провинціальные служилые люди — дворяне городовъ Калуги, Тулы, Рязани и др. Дворяне не могли ждать для себя ничего хорошаго отъ царя, посаженнаго боярами, ибо съ боярствомъ они находились въ постоянной враждѣ: во-первыхъ, бояре всячески старались закрыть имъ доступъ къ возвышенію по службѣ, во-вторыхъ, бояре — бывшіе крупными землевладѣльцами, обѣщаніемъ разныхъ льготъ сманивали крестьянъ съ ихъ помѣстій, тѣмъ самымъ лишая ихъ рабочихъ рукъ.

Возстаніе охватило значительную часть государства.

Въ это опасное для царя Василья время патріархъ Гермогенъ разсылалъ по городамъ грамоты съ увѣщаніемъ стоять за Шуйскаго, котораго называлъ «царемъ благочестивымъ, поборителемъ по православной вѣрѣ». А когда грамоты не помогли, онъ торжественно проклялъ и отлучилъ отъ церкви Болотникова и его сторонниковъ. Шуйскій вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ «ворами», какъ называли московскіе люди возставшихъ. Этой побѣдѣ много помогла рознь въ станѣ Болотникова. Когда бывшіе холопы, бѣглые крестьяне и прочая казацкая голытьба, слѣдуя призыву своего вождя, начала хватать по городамъ воеводъ, сажать ихъ въ тюрьмы, разрушать усадьбы

землевладѣльцевъ, провинціальные дворяне, примкнувшіе было къ движенію, испугались: возстаніе Болотникова становилось опасно не только для ненавистныхъ имъ родовитыхъ бояръ, но и для нихъ самихъ, ибо угрожало разгромомъ ихъ собственныхъ помѣстій. И они поспѣшили покинуть Болотникова. Однако, послѣ его пораженія, недовольная масса не успокоилась. Она нашла себѣ новаго вождя. Какого-то выходца изъ Пропойской тюрьмы она силой заставила принять имя царя Дмитрія, будто бы спасшагося отъ убійцъ. И началось новое движеніе, которое грознымъ потокомъ пронеслось по московсквй землѣ. Новый самозванецъ, подчиняя себѣ города и уѣзды, подошелъ почти къ самой Москвѣ и расположился лагеремъ въ 12 верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ. И стало на Руси одновременно два царя: въ Москвѣ—царь Василій, въ Тушинѣ — царь Дмитрій, прозванный современниками «Тушинскимъ воромъ» за свои «воровскія» дѣла. Движеніе Тушинскаго вора носило разрушительный характеръ. И не мудрено: вѣдь главную силу его составляла крестьянская, холопья и казацкая масса, которая несла съ собой непримиримую ненависть къ тѣмъ «сильнымъ» людямъ, отъ которыхъ видѣла обиды и притѣсненія. Кромѣ того Тушинскаго вора поддерживали поляки, которые не прочь были поживиться въ чужой странѣ и дѣятельно помогали казакамъ грабить и разорять русскую землю. Къ Вору, какъ и Болотникову, примкнули служилые люди-дворяне разныхъ городовъ.

Съ сокрушеніемъ сердца вспоминалъ Гермогенъ страшные дни осады Москвы, когда, изнемогая отъ голода, она готова была отворить во-

рота Тушинскому вору. Царя Василья спасла приверженность богатыхъ сѣверныхъ городовъ и распорядительность его племянника, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.

«Царство ему небесное! Доблестный былъ воевода, даромъ что совсѣмъ молодой!» Князь и шведовъ привелъ на помощь, и казну собралъ съ сѣверныхъ городовъ на жалованье ратнымъ людямъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ ждали въ осажденной Москвѣ вѣстей отъ него, когда онъ изъ Новгорода совершалъ свое побѣдоносное шествіе, очищая отъ тушинцевъ путь къ столицѣ. Какъ памятенъ былъ Гермогену торжественный въѣздъ князя Скопина въ освобожденную отъ воровъ Москву. Какое ликованье было тогда! Не знали какъ и благодарить молодого князя за избавленіе столицы отъ долгой осады. Князя чествовали, вездѣ ему было первое мѣсто. Никто не думалъ о томъ, что подъ Смоленскомъ появился новый врагъ— польскій король Сигизмундъ. Всѣ вѣрили, что князь Михаилъ прогонитъ и этого врага; Москва праздновала окончаніе Смуты...

Но, видно, Богъ не хотѣлъ успокоенія землѣ! Дни радости смѣнились днями безнадежнаго унынія! Внезапно, на пиру у Воротынскаго заболѣлъ молодой князь, и черезъ нѣсколько дней его не стало. Неутѣшно рыдала вся Москва на его похоронахъ, словно вмѣстѣ съ нимъ хоронила свои надежды на лучшее будущее. Никто не хотѣлъ вѣрить, что князь умеръ своей смертью. Обвинили Шуйскихъ: будто испугались они любви къ нему народной, и на пиру жена царскаго брата Дмитрія поднесла ему въ винѣ отравное зелье. Съ той поры еще ненавистнѣе сталъ царь Василій. И вотъ, словно

мстя ему за всѣ свои бѣды, за долгіе мѣсяцы осады, за разореніе земли, за гибель любимаго воеводы, московскіе люди, подученные кучкой провинціальныхъ дворянъ, свели его съ престола. Москва осталась «безгосударна», словно «осиротѣвшая вдова, потерявшая своего мужа и попавшая въ руки разнузданныхъ рабовъ»...

Тогда московскіе люди «били челомъ князю Мстиславскому со товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока Богъ дастъ государя». И «пріяша власть государства русскаго седмь московскихъ бояриновъ». Присягая этому временному правительству, всѣ клялись: «слушать бояръ и судъ ихъ любить, что они кому за службу и за вину приговорятъ... а выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ *всею землею, сославшись съ городами*». Главное, чтобы выбрать государя *всей землей*, ибо всѣ боялись какъ бы, подобно Шуйскому, не сѣлъ на царство царь «безъ вѣдома Земли».

«Что будетъ дальше? Кто сядетъ на царство? Кто выведетъ Русь изъ смуты, кто дастъ ей успокоеніе?», шепчетъ патріархъ, и хмурится суровое чело его, и недобрымъ огнемъ сверкаютъ темныя очи.

«Неужто онъ, польскій королевичъ, котораго зовутъ на русскій престолъ московскіе бояре?» Тяжелый вздохъ вырывается изъ груди патріарха.

«До чего дошло! У себя дома не могутъ царя найти! Понадобился чужой, иновѣрецъ, сынъ польскаго короля Сигизмунда, который разоряетъ теперь Смоленскую область. Да нѣтъ, не будетъ этого! Не допуститъ онъ, чтобы надъ Русью цар-

ствовалъ католикъ, чтобы иновѣрцы хозяйничали въ родной землѣ!

Патріархъ поникъ головой. Горькая усмѣшка пробѣжала по его лицу.

Не допуститъ! А можетъ ли онъ не допустить? Много ли у него властя? Коли не послушали его уговоровъ, когда царя Василья въ монахи постригали, послушаютъ ли теперь? Что же дѣлать ему, патріарху, когда заставятъ народъ присягать иновѣрцу?

Недоброе чуется ему въ этой затѣѣ временнаго правительства. Къ погибели приведетъ она Русь!

У патріарха оставалось одно утѣшеніе — молитва. Въ ней искалъ онъ поддержки и успокоенія.

И теперь, остановившись передъ образомъ Спасителя, онъ опустился на колѣни и сталъ горячо молиться.

ГЛАВА II.

Временное правительство.—Два кандидата на Московскій престолъ.—Договоръ 4 февраля.—Договоръ 17 августа.

Патріархъ Гермогенъ не даромъ опасался за судьбу родной земли! Московское государство стояло на краю гибели, разоряемое врагами и внутренними и внѣшними. «Седьмочисленные бояре,» принявъ временно, до избранія Государя, власть въ свои руки, немедленно отправили по городамъ грамоты съ призывомъ къ единенію и къ совмѣстной борьбѣ съ врагами, и въ этихъ грамотахъ такъ описывали общее положеніе дѣлъ: кровь хри-

стіанская междоусобная льется многое время, всталъ отецъ на сына и сынъ на отца»... и «видя междоусобіе между православными христіанами, польскіе Литовскіе люди пришли въ землю Московскаго государства и многую кровь пролили; церкви и монастыри разорили, святынѣ поругались и хотятъ православную вѣру въ латинство превратить; польскій король стоитъ подъ Смоленскимъ, польскій гетманъ Жолкѣвскій—въ Можайскѣ, а Тушинскій Воръ—въ Коломенскомъ. Польскіе люди, по ссылкѣ съ Жолкѣвскимъ, хотятъ государствомъ Московскимъ завладѣть, православную вѣру разорить и свою, латинскую, ввести»...

Грамоты не преувеличивали: Московское государство находилось въ состояніи полной анархіи. Всѣ классы русскаго общества, недовольные своимъ положеніемъ, въ то же время съ ожесточеніемъ враждовали и между собой. И пользуясь этой междоусобицей, поляки готовы были «завладѣть» Московскимъ государствомъ, то поддерживая Тушинскаго вора, то вмѣстѣ со своимъ королемъ Сигизмундомъ разоряя русскія области. А Тушинскій воръ, убѣжавшій изъ Тушина въ Калугу, снова собиралъ свои силы, разсѣянныя воеводой Скопинымъ-Шуйскимъ. Толпы холоповъ, крестьянъ и многочисленные казацкіе отряды становились подъ его знамена и уже были недалеко отъ Москвы. Нужно было спѣшить съ избраніемъ государя. Но кого избрать? За послѣдніе годы цари не засиживались долго на Московскомъ престолѣ, и теперь на такое непрочное мѣсто кандидатовъ оказалось только два, да и тѣ не по своей волѣ. Одинъ изъ нихъ былъ все тотъ же Тушинскій воръ, коренной русскій человѣкъ и право-

славный, хотя и выходецъ изъ тюрьмы. Это была совсѣмъ ничтожная личность. Согласившійся назваться царемъ Дмитріемъ подъ угрозой побоевъ, Воръ былъ игрушкой въ рукахъ казаковъ и польскихъ пановъ, которые его именемъ грабили и разоряли населеніе русской земли.

Этого царя, царя казацкой вольницы, совсѣмъ не хотѣли «седьмочисленные бояре». Принять его, это значило уступить первыя мѣста въ государствѣ его сторонникамъ казакамъ, т.-е. своимъ бывшимъ холопамъ, смотрѣть изъ ихъ рукъ, а можетъ быть попасть къ нимъ въ рабство. Вѣдь холопы и бѣглые крестьяне, овладѣвъ властью, конечно, не пощадятъ своихъ бывшихъ господъ, припомнятъ имъ всѣ ихъ обиды! Боярамъ,—крупнымъ землевладѣльцамъ,—грозило отъ нихъ полное разореніе.

Нѣтъ, временное правительство и слышать не хотѣло о царѣ, котораго вели съ собою крестьяне, холопы и казаки, оно боялось его какъ огня и съ ужасомъ думало о его приближеніи къ Москвѣ.

Другой кандидатъ на Московскій престолъ былъ тотъ самый польскій королевичъ Владиславъ, о которомъ съ такимъ сокрушеніемъ думалъ патріархъ Гермогенъ. Сынъ Сигизмунда былъ еще совсѣмъ мальчикъ и, конечно, самъ не помышлялъ о Московскомъ престолѣ. За него старались другіе...

Мысль о томъ, чтобы посадить на Московскій престолъ польскаго королевича, возникла среди тѣхъ дворянъ, которые примкнули къ Тушинскому вору, чтобы свергнуть ненавистное имъ боярское правительство царя Василья. Но побывавъ въ Тушинѣ, они скоро увидѣли, что главную силу Вора составляли бывшіе холопы и бѣглые крестьяне, а

отъ такихъ союзниковъ нельзя было ждать ничего хорошаго дворянамъ, которые всѣ были помѣщиками, ибо съ помѣстій несли ратную службу. И они, подобно боярамъ вотчинникамъ, испугались, увидѣвъ, съ какой любовью русскіе тушинцы громили богатыхъ и отнимали ихъ имущество. Гдѣ имѣнья было слишкомъ много и его было не увезти съ собой «не мощно взяти множества ради домовыхъ потребъ», они истребляли его, кололи на мелкіе куски, бросали въ воду: «входы же и затворы всякіе разсѣкающе, дабы никому же не жительствовати тамъ»... «мнози холопи, ругающеся госпожамъ своимъ и убиваюше своихъ господъ». Такъ говоритъ современникъ, объясняя и причину такой лютой ненависти къ господамъ. «Богатые», говоритъ онъ, «въ скверне лихомства живуще», заботятся о кабакахъ, «чтобы весь міръ соблазнити» и на деньги, добытыя взятками и грабежами, «созидаютъ церкви Божіи, а голоса бѣдняковъ не слушаютъ», «въ лице и въ перси ихъ бити повелѣваютъ, и батогами, которые злѣе зла, кости имъ сокрушаютъ, и во узы, и въ темницы и въ смыки и въ хомуты ихъ присуждаютъ». Что и говорить, за такія дѣла помѣщикамъ не приходилось ждать добра отъ своихъ бывшихъ слугъ! Вотъ почему въ движеніи Вора, какъ и въ движеніи Болотникова, союзъ людей средняго служилаго класса съ людьми нижнихъ классовъ оказался очень непродолжителенъ. Испуганные озлобленіемъ сторонниковъ Вора противъ «сильныхъ людей,» дворяне помѣщики отшатнулись отъ Тушинскаго царя.

Но вернуться подъ власть боярскаго правительства они тоже не хотѣли. Что же имъ было дѣ-

лать? Ихъ выручилъ приходъ подъ Смоленскъ польскаго короля Сигизмунда.

И вотъ въ январѣ 1610 года изъ Тушинскаго лагеря отправилось подъ Смоленскъ посольство изъ дворянъ «добрыхъ, но не именитыхъ». Они предложили Сигизмунду дать на Московскій престолъ своего сына, королевича Владислава. Дворяне разсчитывали, что иноземный государь, приглашенный ими, не забудетъ ихъ услуги и обезпечитъ имъ выгодное положеніе въ государствѣ.

Сигизмундъ согласился. Послѣ долгихъ переговоровъ были совмѣстно выработаны условія соглашенія и подписаны 4 февраля 1610 года.

Въ этомъ договорѣ «добрые, но не именитые» дворяне прежде всего, конечно, постарались оградить интересы своего класса.

Чтобы родовитые бояре не закрывали имъ доступъ къ возвышенію по службѣ, они вставили въ договоръ 4 февраля требованіе «*меньшихъ людей возвышать по заслугамъ*».

Позаботились и о томъ, чтобы государь и бояре подѣлились съ ними властью *законодательной*: въ договоръ было внесено условіе, чтобы законы въ странѣ измѣнять по волѣ государя, Боярской думы и земскаго собора. Участвуя на земскомъ соборѣ въ качествѣ выборныхъ отъ земли, представители многочисленнаго служилаго класса—дворяне оказывали бы вліяніе на законодательство.

Такъ ограждая въ договорѣ свое политическое господство, дворяне постарались оградить въ немъ и экономическое благополучіе своего класса. Доходы свои они получали съ помѣстій, которыя давалъ имъ государь въ обезпеченіе ихъ ратной службы. Но земля безъ рабочихъ рукъ не давала

доходовъ, и вотъ, чтобы удержать крестьянъ на землѣ, чтобы не переходили они съ помѣстій и чтобы не сманивали ихъ крупные вотчинники-бояре, договоромъ 4 февраля *запрещался крестьянскій выходъ—«крестьянамъ выходу не быти»*. Иначе говоря, помѣщики прикрѣпляли крестьянъ къ землѣ.

По договору и холопы оставались въ прежней неволѣ у своихъ господъ: *холопамъ и рабамъ король вольности не долженъ давать»*.

Такъ, заботясь о своихъ выгодахъ, дворяне не очень-то благожелательны оказались къ своимъ бывшимъ союзникамъ—холопамъ и крестьянамъ!

Наглядѣвшись на буйства казаковъ, дворяне задались вопросомъ, что съ ними дѣлать, и въ договорѣ 4 февраля постановили: *о томъ, будутъ ли эти казаки надобны, пусть король держитъ совѣтъ съ боярами и думными людьми.*

На такихъ условіяхъ Тушинскіе дворяне соглашались принять на Московскій престолъ польскаго королевича Владислава.

Но угоденъ ли былъ «седьмочисленнымъ боярамъ» этотъ кандидатъ, выставленный дворянами? Могли ли сойтись на немъ бояре и дворяне, находившіеся между собой въ постоянной враждѣ? Общая опасность часто заставляетъ враждующіе между собою классы временно соединяться. Такъ случилось и здѣсь. Воръ, приближавшійся къ Москвѣ со своими холопами и казачьими отрядами, внушалъ ужасъ всѣмъ, у кого былъ достатокъ, у кого были вотчины и помѣстья. Онъ былъ одинаково страшенъ какъ боярамъ, такъ и дворянамъ, и они поспѣшили соединиться, тѣмъ болѣе, что у

бояръ не было надежды посадить на престолъ своего, боярскаго царя. Поговорили было о родовитомъ, знатномъ князѣ В. Голицынѣ, поговорили о боярахъ Романовыхъ, которые приходились родственниками покойному царю Грозному, но дѣло кончилось одними разговорами. Печальная участь царя Василья Шуйскаго пугала бояръ.

Пришлось остановиться на дворянскомъ кандидатѣ. Признать царемъ Московскимъ Владислава понуждалъ и польскій гетманъ Жолкѣвскій, который съ войскомъ стоялъ въ Можайскѣ и грозилъ Москвѣ: «коли признаете царемъ Владислава, польскія войска помогутъ вамъ справиться съ Воромъ,—писалъ онъ боярамъ, а коли не признаете, то ждите Вора въ Москву!

Страхъ передъ нашествіемъ холоповъ заставилъ бояръ столковаться съ дворянами и пересмотрѣть составленный ими договоръ 4 февраля.

Не совсѣмъ по вкусу пришлись боярамъ нѣкоторыя статьи этого договора, въ особенности требованіе, чтобы новый государь «меньшихъ людей возвышалъ по заслугамъ». Достаточно натерпѣлись бояре униженій отъ Грознаго, который сажалъ рядомъ съ ними на первыя мѣста людей худородныхъ, возвышая ихъ по заслугамъ. То же дѣлали и Годуновъ и первый Самозванецъ, царь Дмитрій. Вѣдь эдакъ «меньшіе люди» могли совсѣмъ затереть ихъ, родовитыхъ бояръ, и завладѣть всѣми дѣлами управленія въ государствѣ! Нѣтъ, на это не могли согласиться бояре и рѣшительно вычеркнули изъ договора эту статью. Изъ страха передъ Воромъ дворяне уступили боярамъ въ этомъ вопросѣ. А бояре позаботились обезопасить себя и отъ той польской знати, которая могла явиться

вмѣстѣ съ Владиславомъ въ Москву. Они вставили въ договоръ условіе, чтобы «*Московскихъ и княжескіхъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иностранцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать*».

Однако, опасеніе, какъ бы дворяне не отвернулись отъ нихъ и снова не перешли на сторону Вора, заставило и бояръ сдѣлать имъ кое-какія уступки. Такъ они оставили безъ измѣненій непріятную для нихъ статью, чтобы законы въ странѣ измѣнялись не только по волѣ государя и боярской Думы, но еще и *Земскаго собора*. Статьи договора, касающіяся прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и лишенія свободы холоповъ, были приняты боярами-вотчинниками также безъ измѣненій.

Былъ еще одинъ вопросъ, который смущалъ бояръ: Владиславъ былъ иновѣрецъ, католикъ. Въ договорѣ 4 февраля было оговорено только, что королевичъ, сдѣлавшись Московскимъ государемъ, «*не долженъ ничѣмъ рушити и безчестити православную христіанскую вѣру*», не долженъ и «*иныхъ никакихъ вѣръ вводити*»; но перемѣнитъ ли онъ самъ свою католическую вѣру на православную, объ этомъ въ договорѣ не было сказано ни слова.

«Седьмочисленные» бояре не могли умолчать о такомъ важномъ дѣлѣ, ибо патріархъ Гермогенъ рѣшительно отказался дать свое благословеніе на присягу иноземному королевичу, если онъ не приметъ православіе. Мнѣніе самого патріарха, ставленника сверженнаго царя Василья, не очень безпокоило бояръ, но его слова могли настроить противъ Владислава московскихъ людей. И потому бояре вставили въ договоръ требованіе, чтобы Владиславъ принялъ православіе.

Этотъ договоръ, получившій названіе *договора 17 августа*, былъ принятъ гетманомъ Жолкѣвскимъ,

Только рѣшительно отказался польскій гетманъ согласиться на крещеніе Владислава.

«Это дѣло безъ короля, его отца, рѣшить никакъ нельзя»—говорилъ онъ.

Никакія просьбы, никакіе уговоры бояръ не помогли. Жолкѣвскій стоялъ на своемъ:

Пусть бояре пошлютъ къ королю пословъ за отвѣтомъ. Онъ, гетманъ, не самовольно рѣшитъ такое важное дѣло!

А время не терпѣло. Воръ былъ близко. Помощь Жолкѣвскаго была необходима. А онъ соглашался помогать противъ Вора только послѣ того, какъ русскіе люди присягнутъ Владиславу.

Нужно было на что-нибудь рѣшаться.

ГЛАВА III.

Присяга польскому королевичу Владиславу.

Горитъ огнями Успенскій Соборъ. Великое множество народу наполняетъ храмъ. Это московскіе люди торжественно присягаютъ польскому королевичу Владиславу.

Наканунѣ, 27 августа, такая же торжественная присяга происходила на полпути между польскимъ станомъ Жолкѣвскаго и Москвою, въ двухъ шатрахъ, гдѣ стояли богато украшенные налои. Тамъ присягнуло иноземному королевичу до десяти тысячъ человѣкъ.

Здѣсь, въ Успенскомъ Соборѣ присутствуетъ и временное правительство, всѣ «седьмочисленные»

бояре, князья Мстиславскій, Воротынскій, Голицынъ и др. Присягу принимаетъ самъ патріархъ Гермогенъ.

Что же случилось? Развѣ Владиславъ принялъ православіе?

Нѣтъ! Жолкѣвскій такъ и не далъ боярамъ успокоительнаго отвѣта относительно крещенія королевича въ православную вѣру.

Какимъ же образомъ патріархъ, стойкій ревнитель православія, согласился на присягу иновѣрцу?

Не сразу сдался патріархъ. Не однажды увѣщевалъ онъ бояръ не уступать Жолкѣвскому и не присягать королевичу, пока тотъ не приметъ православія. Пытался говорить и народу съ Лобнаго мѣста и, пугая московскихъ людей иновѣріемъ Владислава, увѣщевалъ ихъ избрать русскаго православнаго царя. Пробовалъ даже ссылаться на примѣры изъ исторіи.

«Помните, православные, говорилъ онъ, что Карлъ въ великомъ Римѣ сдѣлалъ...»

Но, по словамъ современника, на эту рѣчь патріарха «всѣ люди посмѣялись, заткнули уши чувственные и разумные и разошлись».

Московскимъ людямъ совсѣмъ было не до Рима и не до Карла: Воръ, это пугало людей имущихъ, былъ у самой Москвы! Мало того, стало извѣстно, что онъ отправилъ пословъ къ Сигизмунду, прельщая короля заманчивыми обѣщаніями, если тотъ поможетъ ему добыть Московскій престолъ. Внѣ себя отъ страха, седьмочисленные бояре рѣшили поспѣшить съ присягой Владиславу. Не дожидаться же имъ было, пока ихъ бывшіе холопы разграбятъ ихъ имущество и перебьютъ ихъ самихъ!

Такъ состоялась эта присяга, и самъ патріархъ принужденъ былъ уступить въ виду грозящей опасности. Только потребовалъ онъ отъ бояръ, чтобы они немедля отправили подъ Смоленскъ къ Сигизмунду пословъ. Послы должны были во что бы то ни стало добиться, чтобы будущій царь Владиславъ крестился въ православную вѣру.

Патріархъ уступилъ. Онъ самъ принимаетъ отъ Московскихъ людей присягу католику Владиславу, но печальны очи его, словно жалѣетъ онъ, что согласился на такое дѣло. И пытливымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ всматривается онъ въ лица тѣхъ людей, которые стоятъ недалеко отъ налоя и держатся особо отъ другихъ,

Это тушинскіе бояре и дворяне, составившіе себѣ карьеру въ Тушинѣ, получившіе чины и помѣстья отъ Тушинскаго Вора, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Рубецъ Мосальскій, Федоръ Андроновъ, Михайло Молчановъ и др. Это они ѣздили изъ Тушина подъ Смоленскъ къ Сигизмунду во главѣ посольства, которое предложило московскій престолъ Владиславу. Это они составляли договоръ 4 февраля, въ которомъ обошли молчаніемъ вопросъ о вѣрѣ королевича. Справивъ посольство, они остались на службѣ у Сигизмунда и теперь явились отъ него послами въ Москву чуть не наканунѣ присяги.

Зачѣмъ, съ какими цѣлями прислалъ ихъ Сигизмундъ? Должно быть, не съ добрыми намѣреніями пріѣхали, коли молчатъ о цѣли своего пріѣзда! Что затѣваютъ эти люди, которые, измѣнивъ царю Василью, бѣжали къ Вору, потомъ измѣнили Вору и отъѣхали къ Сигизмунду? Что въ мысляхъ у этихъ измѣнниковъ, которымъ все равно, кому

ни служить, православному государю или иновѣрцу, лишь бы служба давала побольше выгодъ?

Вотъ Салтыковъ подходитъ подъ благословеніе. Не вытерпѣлъ тутъ патріархъ и грозно, во всеуслышаніе сказалъ:

«Если вы пришли правдою, а не лестью, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго Собора и отъ меня, грѣшнаго. Если же вы пришли съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты!»

Салтыковъ «съ лестью и со слезами» принялся увѣрять патріарха, что Владиславъ «будетъ прямой, истинный государь».

Патріархъ смягчился и благословилъ бывшихъ тушинцевъ.

Но вотъ подошелъ Михайло Молчановъ, всѣмъ извѣстный убійца и измѣнникъ, игравшій роль царя Дмитрія въ Польшѣ, человѣкъ безъ чести и совѣсти.

Рука патріарха со сложенными для благословенія перстами невольно опустилась, и онъ внѣ себя крикнулъ:

«Прочь отсюда, окаянный еретикъ, ты недостоинъ входить въ храмъ Божій!»

И приказалъ его «изъ церкви выбить вонъ безчестнѣ».

Присяга кончилась. Гудѣли кремлевскіе колокола, возвѣщая Москвѣ, что отнынѣ государемъ русской земли становится сынъ ненавистнаго русскимъ людямъ польскаго короля, католикъ Владиславъ.

Цѣлый день шли пиры и угощенія. Московская знать праздновала окончаніе Смуты. Всѣ думали,

что теперь Жолкѣвскій постарается для своего королевича успокоить русскую землю и поможетъ прогнать Вора. И всѣ надѣялись, что на Руси водворятся, наконецъ, миръ и тишина. Бояре отправили пословъ къ Сигизмунду для переговоровъ о крещеніи Владислава и не сомнѣвались въ благопріятномъ отвѣтѣ. Однако всѣмъ этимъ надеждамъ не суждено было сбыться... И скоро боярамъ пришлось снова столкнуться съ патріархомъ...

ГЛАВА IV.

Гетманъ Жолкѣвскій по соглашенію съ боярами и противъ воли патріарха вводитъ свои войска въ Москву.

Сентябрьскіе лучи солнца, проникая въ узенькія оконца патріаршей кельи, освѣщали гнѣвное лицо патріарха и недовольныя лица бояръ.

Дѣло происходило черезъ три недѣли послѣ присяги Владиславу. Патріархъ Гермогенъ и его гости, седьмочисленные бояре, вели между собой бесѣду, которая волновала и раздражала ихъ. Никакъ не могли бояре уговорить патріарха, чтобы онъ благословилъ впустить въ Москву гетмана Жолкѣвскаго съ его войскомъ. На этомъ настаивалъ Жолкѣвскій, этого хотѣли сами бояре. Имъ казалось, что подъ защитой польскихъ войскъ, они будутъ въ безопасности отъ Вора. Но патріархъ рѣшительно высказался противъ.

«Побойтесь Бога, бояре, говорилъ онъ, или забыли вы буйства поляковъ въ Москвѣ во дни Самозваннаго царя Дмитрія? Не помните, какъ надругались они надъ вѣрой православной, какъ въ храмы съ

пѣснями входили, какъ у московскихъ людей женъ и дочерей отнимали?»

«Жолкѣвскій не чета другимъ,—сказалъ князь Мстиславскій,—онъ обѣщаетъ оградить московскихъ людей отъ безчинствъ поляковъ, обѣщаетъ не на словахъ, а письменно».

Мстиславскій развернулъ передъ патріархомъ грамоту и прочелъ подписанный Жолкѣвскимъ уставъ для предотвращенія и наказанія буйствъ, которыя могли позволить себѣ въ Москвѣ поляки. «Великъ ли трудъ для гетмана написать бумагу, возразилъ патріархъ, вотъ тоже передъ присягой Владиславу договоръ писали, чтобы Жолкѣвскому немедля прогнать Вора, а Воръ и понынѣ все крѣпокъ, отряды его новыми людьми пополняются, города и уѣзды ему присягаютъ, словно и знать не хотятъ, что Москва цѣловала крестъ польскому королевичу»...

«Опять же въ томъ Жолкѣвскій неповиненъ,— перебилъ патріарха князь Воротынскій,—гетманъ пишетъ, хоть завтра готовъ выслать свои отряды противъ Вора, если московскіе полки будутъ готовы къ выступленію».

Но и этотъ доводъ не поколебалъ Гермогена.

«Повѣрятъ ли русскіе люди полякамъ, коли отъ своихъ, отъ прирожденныхъ бояръ, не слышатъ онѣ правды!»

Лица бояръ потемнѣли при этихъ словахъ патріарха, а онъ продолжалъ: «Послѣ того, какъ свели царя Василья съ престола, народъ присягнулъ боярамъ на томъ, чтобы новаго государя выбрать всей землей. А вышелъ обманъ. Выбрали Владислава одни московскіе бояре, а выборныхъ отъ всей земли не было въ Москвѣ»...

«Не дѣло говоришь, владыка, рѣзко остановилъ патріарха князь Воротынскій, мы отписывали по городамъ, звали выборныхъ... не наша вина, коли никакіе люди оттуда не бывали, а ждать, самъ знаешь, нельзя было, Воръ къ самой Москвѣ подступалъ»...

Бояре говорили правду. Они позаботились о созваніи въ Москву выборныхъ отъ городовъ для избранія Владислава, но эти выборные не съѣхались, что было неудивительно для того тревожнаго времени: южная половина русскаго государства давно уже не слушалась Москвы, центръ его былъ охваченъ смутой, а сѣверные города слишкомъ далеко отстояли отъ столицы и не успѣли прислать своихъ выборныхъ.

«Опять же, владыка, въ Москвѣ были люди всякихъ чиновъ, и духовенство, и бояре, и стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и дворяне городовые, и торговые люди, и стрѣльцы. Со всѣми съ ними боярская дума совѣтъ держала! Стало быть, не самовольно бояре избрали королевича! И не тебѣ бы, владыка корить насъ обманомъ! Коли и былъ обманъ, такъ ты же его и покрылъ своимъ благословеніемъ, ты самъ принималъ отъ московскихъ людей присягу Владиславу!»

Патріархъ поблѣднѣлъ. Эти слова ударили его по больному мѣсту. Не однажды со дня присяги онъ горько упрекалъ себя за то, что уступилъ тогда боярамъ, испугавшись вмѣстѣ съ ними приближенія Вора: А чего было бояться? Развѣ теперь спокойнѣе отъ воровъ? Еще хуже стало. Присяга иновѣрцу только увеличила силы Вора. Въ городахъ и уѣздахъ народъ не вѣритъ, что Владиславъ приметъ православіе, недоволенъ боярами

за присягу иновѣрцу и толпами бѣжитъ къ Вору. Изъ самой Москвы чуть не на другой день послѣ присяги побѣжали къ нему люди. Хоть воръ, да свой православный, говорятъ, не то, что католикъ, полякъ! И буйства отъ казаковъ еще больше, чѣмъ прежде. Повсюду рыщутъ, жгутъ усадьбы, громятъ помѣстья... Нѣтъ, присяга Владиславу не успокоила земли, напрасно уступилъ онъ боярамъ?! И словно желая искупить свое малодушіе, Гермогенъ твердо и рѣшительно сказалъ:

«Нѣтъ, бояре, не будетъ моего благословенія на то, чтобы польскія войска заняли Москву раньше, чѣмъ послы московскіе привезутъ отъ Сигизмунда согласіе на крещеніе Владислава!»

«Что говоришь ты, владыка, послы раньше мѣсяца не вернутся. Когда тутъ ждать! Чернь того и гляди предастъ столицу Вору! У насъ нѣтъ ратной силы для защиты ея. А коли введемъ польское войско, оно не допуститъ Вора овладѣть Москвой».

Патріархъ отрицательно покачалъ головой. «Не вѣрю я полякамъ, сказалъ онъ. Не затѣмъ Жолкѣвскій пробирается съ войскомъ въ Москву, чтобы защищать ее отъ воровъ! Другое у него на умѣ. Всѣмъ завладѣть въ столицѣ хотятъ поляки, вотъ зачѣмъ идутъ! Какой отвѣтъ дамъ Богу, коли Москва попадетъ въ руки иновѣрцевъ?»

Бояре начинали терять терпѣніе.

Чего опасался патріархъ? Владиславъ—московскій государь! Не нынче, завтра онъ приметъ православіе. Развѣ онъ позволитъ надругаться надъ вѣрой, которая станетъ его вѣрой? Развѣ онъ дастъ въ обиду своихъ подданныхъ?»

Но патріархъ не сдавался.

Кто знаетъ, какой еще отвѣтъ привезутъ послы!

А если Сигизмундъ не позволитъ креститься сыну? Народъ не захочетъ царя иновѣрца, и онъ самъ, патріархъ, разрѣшитъ московскихъ людей отъ присяги Владиславу. Что же будутъ дѣлать тогда бояре съ польскими войсками, если впустятъ ихъ въ Москву? Развѣ добромъ уйдутъ поляки изъ столицы, когда увидятъ, что православные не хотятъ королевича? Либо Вору передадутся и впустятъ его въ Москву, либо... кто знаетъ, какіе замыслы у Сигизмунда? Съ какими цѣлями пришелъ онъ въ Московское государство?

Но бояре и слушать не хотѣли тревожныхъ предположеній патріарха.

«Въ послѣдній разъ просимъ тебя, владыка, благослови ввести въ столицу польскія войска!»— сказалъ бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, но въ этихъ словахъ его уже не слышалось просьбы. Они звучали властно, почти угрожающе. Можетъ быть, въ эту минуту боярину вспомнилось, какъ сводили съ престола царя Василія. Вѣдь не послушались же тогда патріарха! Почему бы и теперь не обойтись безъ его согласія...

Сурово сдвинулъ патріархъ свои густыя брови и строго сказалъ:

«Въ послѣдній разъ говорю вамъ, бояре, не предамъ я столицу въ руки поляковъ. Народъ не захочетъ того. Мятежемъ пойдетъ онъ на васъ, и я буду съ нимъ, а не съ вами!»

«Ты грозишь намъ мятежемъ, владыка,—крикнулъ Мстиславскій,—да твое ли это дѣло поднимать народъ и сѣять раздоръ и смуту! Тебѣ бы смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія дѣла не слѣдъ мѣшаться!»

Мстиславскій поднялся съ лавки.

«Прости, владыка, говорить намъ больше не о чемъ... Рѣшимъ, какъ намъ Богъ на душу положитъ!»

За Мстиславскимъ поднялись прочіе бояре. Говорить дальше было безполезно. Патріархъ остался непреклоненъ. Седьмочисленные бояре рѣшили обойтись безъ его согласія и изъ страха передъ Воромъ отворили ворота Москвы полякамъ. Въ ночь съ 20 на 21 сентября польскія войска тихо вступили въ столицу и заняли Кремль, Китай городъ, Бѣлый городъ и Новодѣвичій монастырь.

Если бы знали бояре, какія рѣчи въ это время велись въ польскомъ станѣ подъ Смоленскомъ!

ГЛАВА V.

Въ польскомъ станѣ подъ Смоленскомъ.

Широко раскинулся городъ Смоленскъ по берегамъ верховьевъ рѣки Днѣпра. Смоленскъ принадлежалъ къ той группѣ городовъ, которые назывались «городами отъ Литовской Украины». Какъ пограничные съ Литвой, эти города имѣли значеніе крѣпостей на случай защиты Московскаго государства отъ Литовскихъ вторженій; и въ боевыхъ стычкахъ между Литвой и Москвой они не разъ переходили изъ рукъ въ руки. Царь Борисъ Годуновъ назвалъ Смоленскъ цѣннымъ ожерельемъ, такъ неприступны казались ему возведенныя по его приказу каменныя стѣны города.

Вражда между Москвой и Литвой не мѣшала обоимъ государствамъ поддерживать между собою торговыя связи, и Смоленскъ въ торговомъ отно-

шеніи игралъ не маловажную роль. Черезъ него сухимъ путемъ шли въ Москву товары изъ Литвы и изъ странъ, лежавшихъ за нею. Въ Смоленскѣ былъ даже особый «гостинъ литовскій дворъ». Значеніе этого двора особенно поднялось въ концѣ 16-го вѣка, когда по указу царя Федора, въ Москву дозволено было пропускать изъ Литвы только «именитыхъ гостей съ большими товары» съ узорочными, съ каменіемъ съ дорогимъ и съ жемчугомъ и съ сукны скарлаты». Купцамъ же литовскимъ «съ невеликими товары» запрещено было ѣздить далѣе Смоленска, и желавшіе торговать съ ними московскіе купцы должны были со своими товарами ѣздить въ Смоленскъ. Благодаря этому въ городѣ развивалась торговля, городъ богатѣлъ... Не даромъ Сигизмундъ, король польскій и литовскій, вмѣшавшись въ московскую смуту, прежде всего явился подъ его стѣнами, рѣшивъ отнять у московскихъ людей этотъ городъ, который нѣкоторое время принадлежалъ Литвѣ.

Король со своимъ войскомъ расположился лагеремъ невдалекѣ отъ города. Началась осада Смоленска. А тѣмъ временемъ изъ Москвы пришли вѣсти. Московскіе люди присягнули королевичу! Изъ Москвы ѣдетъ посольство къ Сигизмунду просить, чтобы онъ дозволилъ сыну креститься и присылалъ бы его скорѣе въ Москву.

На дворѣ стоялъ октябрь. Московскіе послы могли пріѣхать не нынче, завтра, а король и его совѣтчики, паны радные, никакъ не могли рѣшить, пускать королевича въ Москву, или нѣтъ.

«Конечно, отпустить, — говорили одни, гетманъ Жолкѣвскій именемъ короля обѣщалъ, что королевичъ пріѣдетъ. На томъ онъ и его войско присягу

дали московскимъ людямъ. Нельзя сдѣлать клятвопреступниками и короля, и гетмана, и все войско польское. Къ тому же народъ Московскій безъ царя быть не привыкъ. Если не дадимъ имъ королевича, они другого государя найдутъ, и тогда намъ плохо придется. Добромъ они намъ Смоленскъ не отдадутъ, а силой мы его не возьмемъ. У короля нѣтъ казны, чтобы платить ратнымъ людямъ. Они двинутся за жалованьемъ въ Польшу, а королю, извѣстно, какъ легко воспламеняется буйная польская шляхта. Она возстанетъ противъ короля, если онъ вернется изъ Московскаго государства, не добывъ ни славы, ни богатства своему народу. Лучше миромъ покончить съ московскими людьми и дать имъ на царство королевича. Тогда и они помогутъ королю въ борьбѣ съ его врагами. Тогда и польское дворянство можетъ получить помѣстья въ московскихъ владѣніяхъ, а отъ этого въ самой Польшѣ будетъ безопаснѣе отъ бунтовъ, ибо причина возстаній—бѣдность гражданъ»...

На эти доводы возражали другіе совѣтчики короля, въ особенности Левъ Сапѣга. Этотъ опытный полководецъ, долгое время помогавшій Тушинскому Вору, приглядѣлся къ русскимъ людямъ, къ ихъ обычаямъ и нравамъ.

«Нѣтъ,—говорилъ онъ,—не надо посылать королевича! Присягѣ московскихъ людей вѣрить нельзя. Развѣ не присягали они своимъ государямъ, а потомъ губили ихъ! Развѣ не насильственной смертью погибъ сынъ Грознаго, ни въ чемъ неповинный Дмитрій? А послѣ смерти Годунова развѣ не цѣловали крестъ сыну его, Феодору, а потомъ тутъ же его умертвили! Присягнули царю Дмитрію,

а черезъ 11 мѣсяцевъ его убили! Присягали Шуйскому и его же съ престола свели! Достаточно нагляделись мы на эти дѣла. Чего же хорошаго ждать Владиславу отъ такого народа, который клятву и цѣлованіе креста ни во что не ставитъ! А вѣдь тѣ цари православные были, Владиславъ же—католикъ! Тутъ и самъ патріархъ разрѣшитъ московскихъ людей отъ клятвы. И надо думать, что присягнули-то москвитяне королевичу по нуждѣ. Понадобилась помощь Жолкѣвскаго противъ Вора, да чтобы король отъ Смоленска отступилъ, вотъ и присягнули! Когда тонешь, то радъ, если и самый злой врагъ протянетъ руку! А когда добьются своего, то и Владиславъ не будетъ нуженъ».

Многіе паны поддерживали Сапѣгу, приводя новые доводы противъ посылки Владислава въ Москву.

«Владиславъ еще молодъ, онъ не можетъ управлять государствомъ безъ руководителей, а кто будетъ руководить имъ? Поляки? Московскіе люди не захотятъ этого, ибо не терпятъ иностранцевъ. Довѣрить руководительство кому-нибудь изъ москвитянъ? Но они всѣ грубы и невѣжды, ничему доброму научить государя не могутъ. Опять же надо выбрать въ воспитатели знатнаго человѣка, а знатные москвитяне привыкли быть только рабами, холопами у своихъ царей. Коли приблизить ихъ къ государю, сейчасъ же возмнятъ: какой онъ государь, если съ нимъ, какъ съ простымъ человѣкомъ, обходиться можно! Начнутъ козни строить, злоумышлять противъ него, перессорятся всѣ между собой, потому что завистливы, неуступчивы. Если изъ-за того, гдѣ кому сѣсть за столомъ, готовы передраться другъ съ другомъ и лучше подъ столъ

полѣзутъ, чѣмъ своей породѣ безчестье нанесутъ, что же будетъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ управленіе государствомъ? А если для воспитанія королевича соединить поляка съ москвитяниномъ, тогда нужно содѣйствіе Святаго Духа, чтобы они поладили между собою! И если одинъ будетъ учить доброму, стало быть другой научитъ злому! А клятва гетмана и обѣщаніе короля, который еще по договору 4 февраля согласился отпустить сына въ Москву, такъ вѣдь клятва клятвѣ рознь! Король обѣщалъ королевича на спокойную землю, а Московская земля словно въ огнѣ горитъ отъ безпрерывныхъ возстаній. Тамъ простой народъ поднялся противъ своихъ господъ, а бояре пользуются чернью, какъ орудіемъ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Какой же отецъ пошлетъ сына въ этотъ адъ! Многоглавый звѣрь можетъ быть укрощенъ только мечемъ, а мальчикъ что̀ можетъ сдѣлать? Въ Московской землѣ одни попы чего стоятъ, съ ними и у старика голова закружится; тамъ они главы народныхъ движеній, и съ ними прежде всего надо покончить, а для этого нужна не дѣтская рука, нуженъ мужъ зрѣлыхъ лѣтъ и опытный въ дѣлахъ управленія. На мятежное царство московское нужно идти въ цари не королевичу, а самому королю Сигизмунду...

Эта мысль не разъ уже высказывалась въ польскомъ станѣ, но поляки прекрасно знали ненависть московскихъ людей къ королю Сигизмунду, который былъ ревностнымъ католикомъ и въ угоду своимъ попамъ постарался бы о водвореніи въ московскомъ государствѣ католической вѣры.

«Сигизмунда не захотятъ москвитяне, поднимется всеобщій бунтъ»...

«Да зачѣмъ же имъ прямо предлагать Сигизмунда! — возражалъ Сапѣга.—Можно попрежнему обѣщать королевича, но говорить, что не посылаемъ его сейчасъ, потому въ неспокойной землѣ не безопасно молодому государю. Да мало ли можно привести какихъ причинъ отсрочки, однимъ одно говорить, другимъ другое, смотря по надобности. А въ то же время привлекать на свою сторону знатныхъ людей разными обѣщаніями; такъ же поступать и съ духовными лицами, потому что и среди нихъ много честолюбцевъ. А когда добьемся согласія москвитянъ на отсрочку пріѣзда королевича, тогда можно половчѣе и на короля рѣчь свести: дескать безъ главы все же опасно оставить государство. А пока королевичъ войдетъ въ совершенный возрастъ, кому же и управлять его государствомъ, какъ не королю, его отцу и единственному его опекуну! Ну, а тамъ ужъ видно будетъ, какъ дѣйствовать, на кого лаской, на кого угрозой, кого лестью обойти! Открытый путь не всегда пригоденъ, особенно когда имѣешь дѣло съ такими лицемѣрными людьми, какъ москвитяне»...

Но говоря такъ, польскіе дипломаты доказывали, что въ искусствѣ лгать и лицемѣрить они сами нисколько не уступали московскимъ людямъ!

Нужно ли говорить, что королю Сигизмунду пріятнѣе были рѣчи защитниковъ его кандидатуры на Московскій престолъ. Еще бы! Вѣдь тогда вся восточная Европа превратилась бы въ одну огромную державу: королевство Польское, княжество Литовское, огромное государство Московское соединились бы подъ его единой властью. Сигизмундъ, король Польскій, великій князь Литовскій и великій государь Мо-

сковскій! Было чего добиваться честолюбивому королю!

А пока, въ ожиданіи пословъ, рѣшено было продолжать осаду Смоленска...

ГЛАВА VI.

Московскіе послы подъ Смоленскомъ. — Неудачные переговоры съ поляками.

Московскіе послы пріѣхали подъ Смоленскъ 7-го октября. Поляки приняли ихъ съ честью и отвели имъ 14 шатровъ недалеко отъ королевскаго стана. Посольство было многолюдно, оно состояло изъ 1200 человѣкъ. Были тутъ представители духовенства и высшаго московскаго правительства, представители московскихъ придворныхъ чиновъ и московскихъ дворянъ, затѣмъ дворяне съ городовъ, приказные люди, подъячіе и нѣсколько торговыхъ людей. Во главѣ посольства стояли митрополитъ Филаретъ и князь Василій Голицынъ. Черезъ недѣлю послѣ пріѣзда пословъ между ними и польскими панами начались съѣзды. Но не могли столковаться между собой люди, у которыхъ были самыя непримиримыя цѣли и стремленія?

Съ негодованіемъ прислушиваясь къ пальбѣ подъ стѣнами Смоленска, московскіе послы спрашивали:

«Какъ же такъ? Сынъ — Московскій государь, а отецъ осаждаетъ его владѣнія! Это и въ договорѣ съ Жолкѣвскимъ оговорено: послѣ присяги московскихъ людей Владиславу, король по договору долженъ былъ снять осаду со Смоленска. Почему же поляки не исполняютъ своего обѣщанія?»

Но паны и слышать не хотѣли объ этомъ.

«Какое намъ дѣло до обѣщаній гетмана!»—говорили они.—Смоленскъ наша вѣковѣчная отчина, которую московскіе люди отняли у насъ. И теперь мы хотимъ вернуть ее обратно. Если-бъ даже король и согласился отступить отъ Смоленска, то мы, паны и все рыцарство наше, не допустимъ этого. Скорѣй помремъ, чѣмъ отступимъ!

Московскіе послы заговорили о скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава въ Москву, и на это послѣдовалъ отказъ. Паны говорили:

«На неспокойное государство опасно отпустить молодого государя, да и не можетъ этого сдѣлать король безъ согласія польскаго сейма. Сперва сдайте королю Смоленскъ, тогда онъ поможетъ вамъ очистить землю отъ воровъ; потомъ вмѣстѣ съ нимъ поѣдете въ Польшу на сеймъ и тамъ получите Владислава въ цари и повезете его въ Москву!

Словомъ, дѣло откладывалось въ долгій ящикъ.

Что это значило? Послы настроились подозрительно.

Вся эта оттяжка дѣла не означала ли, что король Сигизмундъ совсѣмъ не хочетъ отпускать сына въ Москву?

Ну, а принятіе Владиславомъ православія, это главное дѣло, ради котораго пріѣхали послы? Они передали королю привезенное ими посланіе отъ патріарха Гермогена, въ которомъ тотъ слезно молилъ Сигизмунда:

«Даруй намъ сына своего въ нашу православную греческую вѣру, — писалъ Гермогенъ,—ради любви Божіей, смилуйся, великій государь, не презри этого нашего прошенія».

Но и тутъ пословъ ожидало полное разочарованіе Сперва отвѣтили неопредѣленно:

«Въ вѣрѣ королевича воленъ Богъ, да онъ самъ»:

А потомъ ужъ совсѣмъ перестали стѣсняться. Левъ Сапѣга такъ-таки прямо и заявилъ митрополиту Филарету:

«Одно тебѣ скажу, преосвященный отецъ, королевичъ крещенъ и другого крещенья нигдѣ не писано!»

Такъ неудачно велись переговоры московскихъ пословъ съ польскими панами, которые съ каждымъ днемъ становились все заносчивѣе, все крикливѣе.

«Пришли вы не съ указомъ, а къ указу, пришли къ королю нашему съ челобитьемъ, и что вамъ король укажетъ, то и дѣлайте!»

А дѣлать нужно было одно: сдать Смоленскъ и уговорить смольнянъ цѣловать крестъ не только королевичу, но и самому королю.

«Зачѣмъ же королю?» съ изумленіемъ спрашивали послы.

«Да затѣмъ, что отецъ онъ королевича! Умретъ, все равно сыну же достанется и Смоленскъ, и Польша и Литва».

«Но на это у насъ нѣтъ наказу ни отъ бояръ, ни отъ патріарха! Да и въ мысляхъ того не было у московскихъ людей, чтобы королю крестъ цѣловать!»

Но паны не хотѣли слушать никакихъ доводовъ. Они настаивали на своемъ и даже пробовали припугнуть пословъ.

И воръ усиливается,—говорили они,—и новый врагъ надвигается на Московскую землю, шведы!

Уже Ладогу взяли, идутъ на Псковъ и Новгородъ. Много враговъ у московскихъ людей, однимъ имъ съ ними не справиться! Пусть уступятъ волѣ Сигизмунда, а потомъ бьютъ ему челомъ, чтобы успокоилъ Московскую землю и прогналъ ея враговъ!

Все это было правда; и Воръ разорялъ русскую землю, и шведы, послѣ присяги московскихъ людей Владиславу, изъ союзниковъ сдѣлались ихъ врагами, но послы-то московскіе ничего не могли предпринять безъ наказа изъ Москвы.

Во время этихъ переговоровъ совершенно неожиданно пріѣхалъ изъ Москвы гетманъ Жолкѣвскій. Онъ привезъ съ собой сверженнаго царя Василья Шуйскаго съ братьями и 30-го октября торжественно представилъ ихъ Сигизмунду. Бывшій царь и монахъ поневолѣ, Шуйскій рѣшительно отказался поклониться королю:

«Нельзя Московскому и всея Руси государю кланяться королю,—съ достоинствомъ сказалъ онъ; праведными судьбами Божіими приведенъ я въ плѣнъ не вашими руками, но выданъ московскими измѣнниками, своими рабами».

Такъ и не поклонился!

Жолкѣвскій привезъ королю пріятныя для него вѣсти:

Бояре, не взирая на протестъ патріарха, впустили польскія войска въ Москву, и теперь поляки всѣмъ распоряжаются въ столицѣ. Надъ московскимъ стрѣлецкимъ войскомъ начальникомъ поставленъ панъ Гонсѣвскій. Въ Думѣ и приказахъ посажены вѣрные слуги короля, князь Мстиславскій и еще нѣкоторые члены временнаго правительства за чины и помѣстья готовы прямить Сигизмунду! Словомъ,

по разсказамъ Жолкѣвскаго, въ Москвѣ дѣла шли прекрасно для короля! Но, стараясь быть пріятнымъ королю, гетманъ умолчалъ о томъ, почему онъ самъ поспѣшилъ выбраться изъ Москвы. Онъ сильно опасался возстанія, которое могло вспыхнуть при первой вѣсти о томъ, что Сигизмундъ не отпуститъ сына въ Москву.

Пріѣзду Жолкѣвскаго несказанно обрадовались и московскіе послы.

Теперь переговоры пойдутъ успѣшнѣе,—думали они, гетманъ, конечно, вспомнитъ тѣ клятвы и обѣнія, которыя и устно и письменно давалъ московскимъ людямъ. Но... къ ихъ великому прискорбію, гетманъ Жолкѣвскій забылъ ихъ! И вмѣстѣ съ прочими панами настаивалъ на томъ, чтобы Смоленскъ отворилъ ворота польскому войску и цѣловалъ крестъ королю.

Московскіе послы поняли, что отъ поляковъ ничего хорошаго для московскаго государства ждать не приходится. Для нихъ ясно становилось, что король Сигизмундъ не отпуститъ сына въ Москву, потому что добивается московскаго престола для себя. Скоро и паны перестали скрывать эти намѣренія короля. Обѣщаніями чиновъ, помѣстій и вотчинъ они начали подкупать пословъ, чтобы тѣ ѣхали обратно въ Москву и тамъ дѣйствовали въ пользу короля. Многіе изъ пословъ польстились на эти обѣщанія и, взявши отъ короля грамоты на помѣстья и другія пожалованія, отъѣхали въ Москву. Такимъ образомъ многочисленное московское посольство распалось.

Сигизмундъ торжествовалъ. Съ оставшимися послами онъ уже не церемонился, и даже самые видные изъ нихъ, митрополитъ Филаретъ и князь

Голицынъ, очутились какъ бы въ плѣну у него. Король надѣялся, что подкупленные имъ послы вмѣстѣ съ боярами составятъ въ Москвѣ новый договоръ въ его пользу и подготовятъ московскихъ людей къ его пріѣзду. Этимъ надеждамъ короля не суждено было сбыться.

ГЛАВА VII.

Самоуправленіе поляковъ въ Москвѣ. — Распаденіе временнаго правительства.—Волненіе среди Московскаго населенія.

Жолкѣвскій былъ правъ, когда, описывая королю положеніе дѣлъ въ Москвѣ, говорилъ, что тамъ всѣмъ завладѣли поляки. Бояре, вопреки желанію патріарха впустившіе польскія войска въ столицу, жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Они думали, что эти войска послужатъ опорой порядка и спокойствія въ странѣ, что они искоренятъ Вора, усмирятъ казаковъ и взбунтовавшихся противъ своихъ господъ крестьянъ и холоповъ, и тогда все пойдетъ по хорошему: землевладѣльцы будутъ хозяйничать въ своихъ имѣньяхъ, не боясь больше разгромовъ, а купцы будутъ мирно торговать безъ опасенія, что ихъ товары разграбятъ воровскія шайки. Словомъ, боярамъ казалось, что поляки будутъ всячески содѣйствовать благополучію русскихъ людей.

Наивныя надежды! Какое дѣло было полякамъ до благополучія русскихъ помѣщиковъ и купцовъ! Придя въ Московское государство, они, конечно, заботились только о своихъ собственныхъ выгодахъ. Правда, Воръ былъ отбитъ отъ Москвы, но сама Москва очутилась во власти поляковъ.

Еще когда былъ въ Москвѣ Жолкѣвскій, дѣла шли сносно. Человѣкъ ловкій и обходительный, онъ умѣлъ ладить со всѣми, поладилъ даже и съ самимъ патріархомъ. Онъ не давалъ своимъ людямъ буйствовать въ столицѣ и для рѣшенія распрей между поляками и москвичами назначилъ судъ строгій и безпристрастный.

Но зато послѣ отъѣзда гетмана началось другое. Его замѣститель, панъ Гонсѣвскій, былъ человѣкъ заносчивый, властолюбивый. Когда выяснилось, что Сигизмундъ добивается Московскаго престола для себя, онъ сталъ дѣйствовать въ пользу короля и, не обращая вниманія на «седьмочисленныхъ» бояръ, началъ распоряжаться въ Москвѣ его именемъ.

Прежде всего онъ отобралъ изъ царской казны лучшія вещи и отослалъ ихъ королю, а часть взялъ себѣ. Изображеніе Спасителя изъ литого золота приказалъ разбить на куски и подѣлить между своими слугами. Вскорѣ отъ короля Сигизмунда пришелъ приказъ: пожаловать бывшими вотчинами и помѣстьями Михайла Салтыкова и Федора Андронова съ товарищами за ихъ вѣрную службу королю.

Бояре смутились. Все это были люди худородные, а теперь, благодаря крупнымъ пожалованіямъ, они становились равными имъ, боярамъ, по богатству! И совсѣмъ ужъ оскорбились бояре, когда по приказу изъ Смоленскаго стана эти худородные люди засѣли и въ Думѣ и въ приказахъ, а Федоръ Андроновъ былъ даже назначенъ казначеемъ! А былъ онъ, по словамъ современника «нѣси человѣкъ и невѣдомо кто: ни отъ царскихъ родовъ, ни отъ боярскихъ чиновъ, ни отъ избранныхъ рат-

ныхъ головъ, сказываютъ, отъ смердовскихъ рабовъ!» И этотъ «невѣдомо кто» вдругъ рядомъ съ ними въ Думѣ съ высокимъ званіемъ казначея! И распоряжается, и кричитъ тамъ больше всѣхъ!

Что же будетъ дальше? думали бояре. Развѣ затѣмъ они заключали съ поляками договоръ 17 августа, чтобы ихъ безчестили, сажая рядомъ съ ними людей худыхъ, разныхъ торговыхъ мужиковъ, да молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ!

А дальше... совсѣмъ не слыхать стало въ Москвѣ власти боярской. Даже челобитныя, и тѣ приказано было подавать прямо Гонсѣвскому, а онъ ужъ ихъ въ Думу приносилъ.

Горько начали жаловаться бояре, говоря своему непрошенному властителю:

«Въ Думу ты ходишь и челобитныя приносишь. Только пришедши, сядешь, а возлѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, Михайлу Салтыкова, да Федьку Андронова съ товарищи, а намъ и не слыхать, что ты со своими совѣтниками говоришь и переговариваешь; и что велишь по которой челобитной сдѣлать, такъ и сдѣлаютъ, а подписываютъ челобитныя твои же совѣтники дьяки... а старыхъ дьяковъ ты всѣхъ отогналъ прочь!»

Но Гонсѣвскій былъ глухъ къ этимъ жалобамъ. Онъ рѣшилъ совсѣмъ покончить съ временнымъ правительствомъ и неугодныхъ ему бояръ, однихъ арестовалъ, а другіе хотя и на свободѣ остались, но, по ихъ словамъ, были «все равно, что въ плѣну». Такъ распалось правительство «седьмочисленныхъ» бояръ.

Унизивъ боярство и лишивъ его власти, поляки вооружили противъ себя и московское купечество. Благодаря самоуправству поляковъ въ

Москвѣ почти прекратилась торговля, потому что поляки безцеремонно приходили въ ряды, брали товары, какіе имъ понравятся и платили за нихъ столько, сколько хотѣли; а въ случаѣ возраженій со стороны купцовъ, пускалась въ ходъ сабля. Поэтому очень скоро послѣ вступленія поляковъ въ Москву «въ торгу гости и торговые люди въ рядахъ отъ литовскихъ людей подлѣ стола (за прилавкомъ) не сидѣли».

Такое поведеніе поляковъ вызвало страшное неудовольствіе среди московскаго населенія, и уже черезъ нѣкоторое время по вступленіи своемъ въ Москву, они писали въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ слѣдующія строки:

«Нѣсколько недѣль мы живемъ съ москвичами во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой; угощаемъ другъ друга пирами, а думаемъ иное; мы наблюдаемъ величайшую осторожность: стража день и ночь стоитъ у воротъ и на перекресткахъ... Москвичи скучаютъ нами, не знаютъ какъ сбыть насъ и, умышляя ковы, часто производятъ тревогу, такъ что по два, по три и четыре раза въ день мы садимся на коней и почти не разсѣдлываемъ ихъ».

Въ своемъ донесеніи поляки ничего не преувеличили: московскіе люди, выведенные изъ терпѣнія самоуправствомъ Гонсѣвскаго и его слугъ, начали бунтовать.

Въ отвѣтъ на это поляки усилили строгости. Опасаясь мятежа со стороны русскихъ, они запретили имъ ходить съ саблями. Отбирали топоры у купцовъ, когда тѣ выносили ихъ на продажу, и у плотниковъ, когда они шли съ ними на работу. Запрещено было носить ножи. Изъ опасенія, какъ бы

народъ за недостаткомъ оружія не вооружился кольями, крестьянамъ запретили возить на продажу мелкія дрова. Боясь скопленія людей на улицахъ, поляки разгоняли ихъ и нерѣдко даже побивали. Ночное движеніе по городу было совсѣмъ запрещено, такъ что къ заутрени не только мірскимъ людямъ, но и священникамъ ходить не позволяли.

Таково было положеніе дѣлъ въ Москвѣ, созданное боярами!

Московскіе люди волновались.

Возстаніе готово было вспыхнуть каждую минуту...

ГЛАВА VIII.

Патріархъ Гермогенъ пріобрѣтаетъ вліяніе на Московскихъ людей.— Прокопій Ляпуновъ.

Въ эти тревожные дни польскаго владычества одно имя стало особенно часто произноситься среди московскаго населенія. Это—имя патріарха Гермогена. До сихъ поръ съ его личностью почти не считались. Ставленникъ ненавистнаго всѣмъ царя Василья, патріархъ Гермогенъ не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ московскихъ людей; его толкали, въ него бросали грязью, когда онъ защищалъ царя, его увѣщаній не слушали, его словамъ не было вѣры! Но теперь, когда пришла бѣда отъ поляковъ, всѣ вспомнили, что онъ долго не соглашался на присягу иноземному королевичу и, несмотря на уговоры бояръ, такъ-таки и не далъ своего благословенія на то, чтобы ввести въ Москву польскія войска.

«Стало быть, чуяло его сердце недоброе, не ждалъ хорошаго отъ поляковъ! Такъ оно и вышло по слову его! Не попали бы въ плѣнъ къ иновѣрцамъ, если бы послушались тогда патріарха!»

Эти слова все чаще стали повторяться московскими людьми.

Въ дни всеобщаго смятенія и растерянности люди ищутъ лицо, у котораго можно бы было найти поддержку, утѣшеніе и совѣтъ. И такимъ лицомъ сталъ теперь патріархъ. Еще бы! Онъ предвидѣлъ бѣду, онъ оказался провидцемъ!

«Патріарха надо слушать, онъ знаетъ, что дѣлать, онъ научитъ, какъ избыть бѣду!» И московскіе люди начали ходить къ нему за совѣтомъ. То и дѣло ворота патріаршихъ хоромъ отпирались и впускали къ нему во дворъ людей разнаго званія, торговыхъ, служилыхъ, посадскихъ... Не трудно догадаться, что говорилъ имъ этотъ ревнитель православія; всѣ выходили отъ него съ чувствомъ непримиримой ненависти къ иноземному владычеству, съ проклятіями полякамъ иновѣрцамъ.

Пришли къ патріарху и бояре, но только съ иными цѣлями. Очутившись во власти поляковъ, бояре повели себя позорно. Они начали обращаться къ Сигизмунду съ челобитьями о жалованьи и «деревнишкахъ». И въ этихъ челобитьяхъ называли себя вѣрноподданными короля. Мало того, во главѣ съ Мстиславскимъ, они написали своимъ посламъ подъ Смоленскъ грамоту съ наказомъ, чтобы митрополитъ Филаретъ и князь Голицынъ во всемъ отдались на волю короля.

Вотъ съ этой грамотой и явились бояре къ патріарху, чтобы онъ подписалъ ее.

Но и на этотъ разъ не добились отъ него соглашенія.

«Побойтесь Бога, бояре! — говорилъ патріархъ.— Положиться на волю Сигизмунда, да вѣдь это значитъ, сдать полякамъ Смоленскъ, и цѣловать крестъ королю Сигизмунду, ревностному католику! Чтобы онъ тѣснилъ нашу вѣру, чтобы обращалъ православныхъ въ латинство! Никогда не дамъ я на то благословенія, и московскому народу буду говорить, чтобы не слушалъ онъ васъ, не склонялся къ Сигизмунду и въ города во всѣ отпишу».

Бояре не смолчали. Слово за слово, и кончилось тѣмъ, что Михаилъ Салтыковъ замахнулся на патріарха ножомъ.

Но патріархъ остался твердъ.

«Не боюсь я твоего ножа, —сказалъ онъ, — я вооружусь противъ него силою креста святого. А ты будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!»

Такъ ни съ чѣмъ и ушли бояре.

Патріархъ исполнилъ свое слово. На другой же день онъ собралъ народъ въ Успенскій соборъ. Поляки, зачуявъ неладное, окружили храмъ войскомъ. Но патріархъ, не взирая на это, все же держалъ къ народу рѣчь, увѣщевая его крѣпко стоять за православную вѣру и не присягать Сигизмунду; обѣщалъ разрѣшить всѣхъ и отъ клятвы Владиславу, если тотъ не приметъ православія.

На этотъ разъ народъ не «посмѣялся» на его слова. Поведеніе патріарха съ боярами и отказъ подписать унизительную для русскихъ людей грамоту, еще болѣе подняли его въ глазахъ московскихъ людей, и всѣ съ глубокимъ вниманіемъ выслушали его рѣчь въ Успенскомъ соборѣ.

Въ тотъ же день патріархъ началъ писать грамоты по городамъ съ призывомъ стать за православную вѣру и не принимать иновѣрцевъ.

Но патріархъ, какъ лицо духовное, не могъ открыто призывать къ возстанію. По словамъ современника, «его ли то дѣло, что тако ему повелѣвати на кровь дерзнути?» Патріархъ могъ стать противъ поляковъ «аки исполинъ мужъ», но... «безъ оружія и безъ ополченія воинскаго». А противъ польской вооруженной силы нужно было стать именно съ оружіемъ и во главѣ воинскаго ополченія.

Кто же соберетъ это ополченіе на защиту родины отъ польскаго владычества? Кто станетъ во главѣ воинской силы?

Въ одинъ холодный день въ концѣ ноября къ патріаршимъ воротамъ подъѣхалъ вооруженный всадникъ. Всадникъ былъ безпрепятственно пропущенъ польской стражей и легко узнанъ въ Москвѣ. То былъ Рязанскій воевода, Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, хорошо извѣстный и полякамъ и московскимъ людямъ. Его пріѣздъ вызвалъ въ Москвѣ оживленные толки.

«Ляпуновъ зря не пріѣдетъ! Коли пріѣхалъ, стало быть съ какими-нибудь замыслами. Что же замышляетъ рязанскій воевода? О чемъ у него съ патріархомъ была бесѣда, продолжавшаяся до глубокой ночи?»

И москвичи и поляки говорили объ этомъ съ тревожнымъ любопытствомъ И не мудрено! Прокопій Ляпуновъ былъ человѣкъ популярный и вліятельный въ Рязанской землѣ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ ворочалъ тамъ всѣми дѣлами. Въ послѣдніе годы онъ принималъ близкое участіе въ

событіяхъ московской жизни, и всѣ знали: если Ляпуновъ становился на чью либо сторону, значитъ, и вся рязанская область со всѣми городами поднималась какъ одинъ человѣкъ, а за нею поднимались и другіе города, связанные съ Рязанью торговыми интересами. Поддержка Ляпунова обезпечивала успѣхъ дѣлу, его измѣна влекла за собой пораженіе. Когда Ляпуновъ измѣнилъ Годунову и признилъ перваго Самозванца истиннымъ царевичемъ Дмитріемъ, его примѣру послѣдовало все рязанское ополченіе. Когда Болотниковъ поднялъ низшіе классы противъ царя Василья, Ляпуновъ, соединившись съ нимъ, далъ силу этому движенію. Но Ляпуновъ самъ былъ крупнымъ помѣщикомъ, и грамоты Болотникова, призывавшія грабить богатыхъ людей, испугали его. Онъ измѣнилъ движенію, и его измѣна повела за собой пораженіе Болотникова. Ляпуновъ былъ честолюбивъ. Принадлежа къ захудалому дворянскому роду, онъ мечталъ о чинѣ боярина, о вотчинахъ съ боярскими льготами, о мѣстѣ въ Боярской Думѣ; и потому всѣми силами ненавидѣлъ родовитую боярскую знать, которая загораживала худороднымъ людямъ доступъ къ высшимъ должностямъ, ненавидѣлъ и царя Василья, посаженнаго этой родовитой знатью и въ дѣлѣ сведенія его съ престола былъ не безъ грѣха. По крайней мѣрѣ его братъ, Захаръ Ляпуновъ кричалъ громче всѣхъ среди мятежной толпы, требовавшей низложенія нелюбимаго царя. Избраніе Владислава казалось Ляпунову лучшимъ средствомъ успокоить русскую землю. И онъ горячо убѣждалъ всѣхъ соединиться подъ знаменемъ польскаго королевича. А когда польскія войска заняли Москву, онъ много хлопо-

талъ о подвозѣ для нихъ съѣстныхъ припасовъ и самъ отправлялъ имъ хлѣбъ изъ Рязанской области.

Поляки считали Ляпунова своимъ и дорожили его поддержкой.

Вотъ почему они сильно встревожились, когда увидѣли, что Ляпуновъ, пріѣхавъ въ Москву, прошелъ прямо къ патріарху.

Что задумалъ Ляпуновъ? На чью сторону онъ станетъ? Будетъ ли держать руку поляковъ или поддержитъ патріарха, который открыто возстаетъ противъ польскаго владычества?

Всѣ задавали себѣ эти вопросы, и поляки и московскіе люди, одни съ тревогой, другіе съ надеждой, и всѣ ждали отъ этого посѣщенія немаловажныхъ событій.

ГЛАВА IX.

Въ Рязани.—Прокопій Ляпуновъ поднимаетъ возстаніе противъ поляковъ.

Зима 1610 года установилась рано. Это было самое лучшее время для сообщенія между городами и областями Московскаго государства. По санному пути быстро перевозились грамоты и пересылались извѣстія, что такъ важно было въ тѣ тревожныя времена.

Въ началѣ декабря на улицахъ города Рязани было необычайное движеніе. День былъ праздничный. Только-что отошла обѣдня въ Соборѣ. Народу изъ церкви шло множество. И простой людъ, и купцы, и большихъ чиновъ люди, и служилые, дворяне,—всѣ дорогой вели между собой оживлен-

ную бесѣду по поводу грамоты, только-что прочитанной въ церкви послѣ обѣдни. Грамота было отъ патріаха Гермогена. Ее привезъ наканунѣ воевода Прокопій Петровичъ Ляпуновъ. Въ ней патріархъ писалъ то же, что писалъ и въ другіе города: онъ призывалъ людей Рязанской земли единодушно встать противъ враговъ Московскаго государства, противъ поляковъ, кои безчинствуютъ въ русской землѣ, творятъ поруганіе христіанской вѣрѣ и въ латинство хотятъ обратить православный народъ.

Горячо обсуждая грамоту, люди рязанскіе шли на воеводскій дворъ. Воевода Прокопій Петровичъ обѣщалъ послѣ обѣдни рѣчь держать къ народу. Рязанцы любили своего воеводу, и его рѣчи всегда находили живой откликъ въ ихъ сердцахъ. Радостными привѣтствіями встрѣтили они появленіе воеводы на крыльцѣ его хоромъ.

Прокопій Ляпуновъ былъ уже не молодъ, но онъ былъ очень представителенъ и красивъ собою. Его мужественное и чрезвычайно подвижное лицо обнаруживало нравъ порывистый, натуру страстную, увлекающуюся. По выраженію историка «онъ всегда раньше другихъ чуялъ, куда поворачиваетъ вѣтеръ, но его рука хваталась за дѣло прежде, чѣмъ успѣвала подумать о томъ голова». Ляпуновъ зналъ свою способность увлекать за собой толпу и умѣлъ пользоваться ею.

«Люди рязанскіе,—началъ онъ громко,—вѣдомо ли вамъ, что творится въ Москвѣ? Вѣдомо ли, что бояре Московскіе да чины за помѣстья предали русскую землю Сигизмунду?

И онъ разсказалъ о своемъ посѣщеніи патріарха и о послѣднихъ событіяхъ въ Москвѣ, о

самоуправствѣ поляковъ и волненіяхъ среди московскихъ людей. Ненавистникъ бояръ, Ляпуновъ съ особенной злобой говорилъ о боярахъ, о ихъ позорномъ поведеніи, о грамотѣ, которую они приносили патріарху для подписи, о чинахъ и пожалованьяхъ, которыя они выпрашивали у Сигизмунда. Чувствомъ глубокаго уваженія былъ проникнутъ его разсказъ о поведеніи патріарха.

«Не побоялся святитель, не подписалъ грамоту! Не испугался поляковъ, когда они войскомъ окружили Успенскій Соборъ, смѣло говорилъ противъ Сигизмунда! И слушаютъ теперь московскіе люди патріарха, нейдутъ за боярами! Потому, бояре-предатели, приспѣшники Сигизмунда, чего отъ нихъ ждать! Теперь всѣ видѣли, какъ они родину спасли, какъ изъ смуты ее вывели!»

Голосъ Ляпунова зазвучалъ злой насмѣшкой. Толпа съ глубокимъ вниманіемъ слушала воеводу, а онъ говорилъ:

«Теперь нашъ чередъ, рязанскіе люди, теперь мы, служилые люди, дворяне, возьмемъ въ свои руки дѣло спасенія родины отъ конечнаго разоренія, мы спасемъ вѣру православную отъ поруганія иноземцевъ. Пускай мы не родовиты, не князья, не бояре, а съ Божіей помощью, да молитвами святителя, патріарха Гермогена, примемся за дѣло!»

Въ толпѣ раздались голоса одобренія. Воевода говорилъ о томъ, о чемъ начинали думать многіе. Хозяйничанье въ родной землѣ чужихъ людей, людей иной вѣры, иного языка, затронуло національныя и религіозныя чувства русскихъ людей. И многимъ уже приходило въ голову подняться противъ иноземнаго господства.

«Время не терпитъ,—продолжалъ Ляпуновъ,—не будемъ дожидаться, пока окончательно завладѣютъ нами поляки. Послушайте, что пишутъ намъ жители смоленскихъ волостей!»

Онъ досталъ изъ-за пазухи грамоту, полученную имъ отъ смольнянъ, развернулъ ее и прочелъ:

«Мы братья и сродники, потому что отъ святой купели святымъ крещеніемъ породнились!»

Такъ начинали свою грамоту Смольняне, указывая прежде всего на братство религіозное. Смольняне писали о разореніи Смоленскихъ городовъ поляками, о плѣненіи ихъ женъ и дѣтей.

«Гдѣ наши головы, читалъ Ляпуновъ, гдѣ жены и дѣти, братья и родственники? Иные изъ насъ ходили въ Литву и Польшу выкупать ихъ изъ плѣна, но потеряли тамъ свои головы. Собранъ былъ христовымъ именемъ выкупъ, и то все разграблено! Въ городахъ и уѣздахъ, занятыхъ польскими людьми, поругана православная вѣра, разорены Божіи церкви!»

Далѣе слѣдовалъ призывъ къ соединенію противъ поляковъ.

«Не думайте и не помышляйте, писали смольняне,—чтобы королевичъ принялъ православіе и сталъ царемъ Московскимъ. Въ Польшѣ на сеймѣ положено—вывести лучшихъ людей отъ насъ и завладѣть всею землею Московскою. И если теперь не будете въ соединеніи, то горько будете плакать и рыдать неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ: перемѣнена будетъ христіанская вѣра въ латинство, разорятся божественныя церкви со всей лѣпотою, и убіенъ будетъ лютой смертью родъ вашъ христіанскій, поработятъ и осквернятъ и разве-

дутъ въ полонъ матерей, женъ и дѣтей вашихъ!»

Въ толпѣ раздались громкія причитанія отъ этихъ грозныхъ предсказаній.

Описавъ ужасы, которые ожидали русскихъ людей отъ владычества польскаго, смольняне просили посылать списки съ ихъ грамоты Нижній, Кострому, Вологду и въ другіе города «дабы всѣмъ было вѣдомо, чтобы всей землею стать намъ за православную вѣру, пока мы еще свободны и не разведены въ плѣнъ!»

«Теперь вы сами слышали, люди рязанскіе, что говорится въ Смоленскихъ областямъ, гдѣ хозяйничаютъ поляки, осаждая Смоленскъ!—воскликнулъ Ляпуновъ.

«И намъ ждать того же отъ поляковъ, коли не встанемъ мы, какъ единъ человѣкъ, коли не призовемъ всѣ города къ соединенію! Такъ разошлемъ же грамоты по городамъ, чтобы собирались люди, и встанемъ крѣпко за православную вѣру, за свое отечество и достояніе! Пріимемъ оружіе Божіе и щитъ вѣры и подвигнемся всею землею къ царствующему граду Москвѣ и со всѣми православными христіанами Московскаго государства учинимъ совѣтъ: кому быть царемъ на Московскомъ государствѣ. Да будетъ у насъ одна дума: или вѣру православную нашу очистить, или всѣмъ до одного помереть!»

Ляпуновъ кончилъ. Толпа единодушно поддержала призывъ воеводы.

Такъ рѣшено было собирать рати со всѣхъ городовъ и готовиться къ походу на освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

ГЛАВА X.

Движеніе въ городахъ противъ поляковъ.—Патріархъ благословляетъ возставшихъ.

И началось повсемѣстное движеніе противъ поляковъ. По городамъ читались въ соборныхъ церквахъ грамоты, присланныя Ляпуновымъ и патріархомъ, списывались съ нихъ списки и разсылались съ гонцами въ другіе города. Города призывали другъ друга собраться со всѣмъ своимъ уѣздомъ и клялись «польскому королю креста не цѣловать, не служить ему и не прямить и московское государство отъ польскихъ людей очищать, съ королемъ и королевичемъ, польскими и литовскими людьми и кто съ ними противъ Московскаго государства станетъ, противъ всѣхъ биться неослабно. Съ королемъ, поляками и русскими людьми, которые королю прямятъ, никакъ не ссылаться».. Въ уѣздахъ собирались сходки, постановлялись приговоры, люди вооружались, спѣшили въ свой городъ, везли туда свинецъ, порохъ и другіе запасы. Повсюду кипѣло негодованіе противъ польскаго правительства. Если московскіе люди и люди Смоленскихъ областей страдали отъ поляковъ, то и въ другихъ городахъ и уѣздахъ было то же самое. Цѣлыя области были разорены. Торговое движеніе благодаря повсемѣстнымъ грабежамъ и разбоямъ почти остановилось. Такъ казанцы жаловались пермичамъ, что у нихъ въ Казани «денегъ въ сборѣ нѣтъ», потому что «съ Верху и съ Низу ни изъ которыхъ городовъ большихъ соляныхъ и никакихъ судовъ не было». Такимъ образомъ стала вся волжская торговля

даже такимъ предметомъ первой необходимости, какъ соль. Купечество разорялось. Люди роптали. Пускай въ грабежахъ и разбояхъ принимали большое участіе казацкіе отряды Вора! Но вѣдь поляки, давая на московское государство Владислава, обѣщали успокоить землю. Какое же это было правительство, если оно, вмѣсто успокоенія само несло разгромъ и разореніе! Если боярство ошиблось въ своихъ разсчетахъ на поляковъ и было ими унижено, если купечество разорялось благодаря ихъ самоуправству, то и другіе классы общества имѣли много причинъ негодовать на поляковъ. Такъ помѣщики жаловались на безпорядочную раздачу земель Сигизмундомъ. Грамоты короля безъ разбора надѣляли однихъ громадными помѣстьями, а у другихъ отнимали и то, что они имѣли раньше. Это поселяло страшное недовольство среди служилыхъ людей. Даже такіе вѣрные слуги Сигизмунда, какъ Федоръ Андроновъ и Михайло Салтыковъ съ укоромъ замѣчали, что помѣстья раздавались безъ толку» и что такой земельной перетасовки не было даже во дни Ивана Грознаго: «Царь Иванъ Васильевичъ природный былъ, да и тотъ такъ не дѣлалъ», — говорили они.

Какъ же относились къ польскому правительству низшіе классы? Закрѣпощаемая и боярами-вотчинниками, и дворянами-помѣщиками крестьянская масса не могла поддерживать польскаго государя, хотя бы уже потому, что его призвали «сильные люди,» ихъ всегдашніе враги, ихъ закрѣпостители. Она не могла стоять за правительство, подписавшее договоръ, по которому запрещался крестьянскій переходъ и выходъ изъ холопства!

По той же причинѣ не могло стоять за польскаго государя и казачество, состоявшее главнымъ образомъ изъ тѣхъ же крестьянъ и холоповъ, которые въ свое время бѣжали съ боярскихъ и дворянскихъ помѣстій. Поэтому-то казачество, узнавъ о присягѣ Владиславу, съ такимъ упорствомъ и продолжало держаться за Вора, надѣясь отъ своего царя получить больше выгодъ, чѣмъ отъ царя, посаженнаго высшими классами.

Такъ всѣ классы русскаго общества были недовольны польскимъ правительствомъ. Каждый классъ имѣлъ свои интересы, слѣдовательно и свои причины недовольства. Но кромѣ того у всѣхъ классовъ было еще одно общее всѣмъ недовольство: польскій государь былъ чужеземецъ и иновѣрецъ. Задѣтъ былъ такимъ образомъ общій всѣмъ русскимъ людямъ національный и религіозный интересъ, и этотъ-то интересъ и объединилъ всѣ классы. Классовое самосохраненіе стало національнымъ самосохраненіемъ... Классовая защита своихъ экономическихъ интересовъ прикрылась высокимъ знаменемъ защиты православной вѣры! Но дѣла религіи вѣдалъ патріархъ, стало быть, ему и надлежало взять въ свои руки это знамя. Могъ ли онъ нести его? Достаточно ли силенъ духъ, чтобы своимъ примѣромъ поддерживать возставшихъ.

Города, давая другъ другу клятву «померереть за православную вѣру», прежде всего указывали въ грамотахъ на мужественное поведеніе патріарха, который, будучи во власти поляковъ, безстрашно стоялъ противъ Сигизмунда: «А у насъ святѣйшій патріархъ Гермогенъ прямъ, какъ самъ пастырь, душу свою за вѣру Христову полагаетъ неизмѣнно».

говорилось въ грамотахъ... Такъ возставшіе города и области, признавъ Ляпунова вождемъ ополченія «воинскаго», своего духовнаго вождя увидѣли въ патріархѣ Гермогенѣ.

Поляки прекрасно поняли это настроеніе городовъ и приняли всѣ мѣры, чтобы голосъ патріарха не доходилъ до народа. Они арестовали его и отвезли на Кириллово подворье, гдѣ отвели ему тѣсную келью, окруживъ ее стражей. Имущество его разграбили, дьяковъ, подъячихъ и всякихъ дворовыхъ людей отняли, запретили даже давать ему бумагу и чернила. И сидѣлъ заключенный патріархъ въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи «единъ уединенъ», не зная, что творится за его стѣнами.

Въ серединѣ февраля, въ убогой кельѣ его снова появились Михайло Салтыковъ и бояринъ Мстиславскій.

«Зачѣмъ пришли измѣнники?»—строго встрѣтилъ ихъ патріархъ.

«Вѣрники» Сигизмунда быстрымъ взглядомъ окинули убогое убранство кельи, въ которой стояла у стѣны лавка, служившая постелью патріарху, да на стѣнѣ висѣлъ небольшой образъ Спасителя. Это все, что оставили ему королевскіе слуги.

«Или новое предательство затѣяли и за благословеньемъ ко мнѣ пришли?»—снова спросилъ патріархъ.

«Не упорствуй, владыко,—заговорилъ Салтыковъ,—скоро вся Русь признаетъ короля»...

«Не лги, измѣнникъ, крикнулъ патріахъ,—Богъ не допуститъ совершиться такому дѣлу! Только вы, приспѣшники Сигизмунда, купленные его милостями, стоите за него! Немного васъ... а народъ

русскій не пойдетъ за вами, не признаетъ иновѣрца католика!»...

«Это ты своимъ упорствомъ сѣешь смуту въ народѣ!—крикнулъ Салтыковъ,—ты говорилъ Ляпунову, чтобы онъ собиралъ ратныхъ людей, ты писалъ грамоты въ города! Намъ все вѣдомо. Ты поднялъ землю русскую противъ Москвы! Ратные люди идутъ по твоему зову! Польется кровь христіанская, и ты будешь за это въ отвѣтѣ»...

Салтыковъ говорилъ о приближеніи къ Москвѣ многочисленныхъ ратей подъ начальствомъ Ляпунова, говорилъ съ негодованіемъ и злобой. А лицо патріарха свѣтлѣло.

Ополченіе идетъ къ Москвѣ, рати идутъ по его зову!—говоритъ Салтыковъ. Его именемъ собирается народъ на защиту родины!

Стало быть, слово его сильно. Стало быть, православные видятъ въ немъ истиннаго пастыря, защитника Христовой вѣры!

Это извѣстіе подняло патріарха въ своихъ собственныхъ глазахъ и придало ему новыя силы.

Если народъ хочетъ видѣть въ немъ духовнаго вождя, если народъ вручилъ ему высокое знамя защиты вѣры, его дѣло—мужественно нести это знамя, не страшась ни гоненій, ни смерти.

«Да, я писалъ Ляпунову и всѣмъ городамъ, чтобы шли къ Москвѣ,—твердо сказалъ онъ,—чего же хотите вы отъ меня?»

«Отпиши имъ, чтобъ не ходили, чтобъ воротились назадъ!»—сказалъ Салтыковъ.

Патріархъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на Салтыкова и проговорилъ:

«Если вы, измѣнники, со всѣми королевскими людьми выйдете изъ Москвы вонъ, тогда отпишу,

чтобы ратные люди воротились назадъ. А не выйдете, такъ я, смиренный, отпишу имъ, чтобъ они совершили начатое и всѣхъ благословлю помереть за православную вѣру. Вижу ей поруганіе отъ еретиковъ и отъ васъ, измѣнниковъ, вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу этого терпѣть!»

«Отпиши Ляпунову, чтобы отошелъ прочь, не то умрешь злой смертью!»—внѣ себя крикнулъ Салтыковъ.

«Вы грозите мнѣ смертью!—воскликнулъ патріархъ.—А я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать—я вамъ уже сказалъ, и больше отъ меня ни слова не услышите!»

Патріарха бросили въ мрачное подземелье

Нѣтъ, не онъ, не патріахъ Гермогенъ, поднялъ русскихъ людей противъ поляковъ, какъ говорилъ Салтыковъ. Это движеніе вызвали сами поляки, затронувъ интересы всѣхъ классовъ русскаго общества. Патріархъ Гермогенъ только поддержалъ его силою своего слова, стойкостью своего поведенія. И это движеніе, широкой волной, разлившись по русской землѣ, захватило самого патріарха и приподняло его на недосягаемую высоту борца и мученика за народное дѣло!

ГЛАВА XI.

Въ Москвѣ.—Рѣзня.—Пожаръ.

Тяжело досталась москвичамъ страстная недѣля 1611 года! Ратные люди Ляпуновскаго ополченія уже подходили къ Москвѣ. Съ нетерпѣніемъ и надеждой ожидали ихъ тѣ, кто хотѣлъ избавленія

отъ ига поляковъ. Съ негодованіемъ говорили о приближеніи ополченія поляки и русскіе «вѣрники» Сигизмунда. Поляки начали готовиться къ встрѣчѣ непрошенныхъ гостей, вооружались, втаскивали пушки на кремлевскія башни, по всѣмъ площадямъ разставляли конные и пѣшіе отряды, а пока всячески вымещали на русскихъ свою злобу, задѣвая и оскорбляя ихъ на каждомъ шагу.

17 марта въ Вербное Воскресенье по Москвѣ разнеслась вѣсть, что Салтыковъ и поляки хотятъ изрубить патріарха, но на этотъ разъ тревога оказалась ложной. Патріарха, дѣйствительно, освободили изъ заключенія затѣмъ, чтобы онъ совершилъ торжественное шествіе на осляти. Но тронуть его побоялись, и послѣ богослуженія снова посадили въ тюрьму.

Въ Страстной понедѣльникъ вечеромъ въ московскихъ слободахъ появились передовые отряды Ляпуновскихъ полковъ подъ начальствомъ князя Д. М. Пожарскаго и другихъ военачальниковъ. Они тайно пробрались въ Москву, чтобы поддержать москвичей въ случаѣ схватки ихъ съ поляками.

Съ утра во вторникъ все было спокойно. Одно только показалось страннымъ полякамъ: на улицахъ съѣхалось много извозчиковъ. Тревожно настроенные поляки подумали, что извощики явились для того, чтобы загородить улицы и помѣшать полякамъ защищаться, когда придетъ ополченье, и начали требовать, чтобы они помогали имъ тащить пушки на стѣны Кремля. Извозчики отказались. Поляки стали давать имъ денегъ, извозчики не брали. Тогда поляки стали бить извозчиковъ, тѣ не остались въ долгу; началась схватка, раздались крики. У поляковъ въ Кремлѣ былъ наго-

товѣ 8-митысячный наемный отрядъ нѣмцевъ. Услыхавъ крики, нѣмцы рѣшили, что началось возстаніе, ринулись въ толпу и стали рубить русскихъ. Началась страшная рѣзня безоружнаго народа, въ которой погибло до 7000 человѣкъ. Озлобленные поляки умертвили даже одного изъ членовъ седьмочисленнаго правительства, князя А. Голицына, который сидѣлъ подъ стражей въ собственномъ домѣ. Полякъ Мацкѣвичъ, очевидецъ и участникъ этихъ событій, такъ разсказываетъ о нихъ:

«Завязалась битва сперва въ Китай-городѣ, гдѣ вскорѣ наши перерѣзали людей торговыхъ, потомъ въ Бѣломъ Городѣ; тутъ намъ управиться было труднѣе: здѣсь посадъ былъ обширнѣе и народъ воинственнѣе. Русскіе свезли съ башенъ полевыя орудія и, разставивъ ихъ по улицамъ, обдавали насъ огнемъ. Мы кинемся на нихъ съ копьями, а они тотчасъ загородятъ улицу столами, лавками, дровами. Мы отступимъ, чтобы выманить ихъ изъ-за ограды, они преслѣдуютъ насъ, неся въ рукахъ столъ и лавки, и лишь только замѣтятъ, что мы намѣреваемся обратиться къ бою, немедленно заваливаютъ и, подъ защитой своихъ загородокъ, стрѣляютъ по насъ изъ ружей; а другіе съ кровель, съ заборовъ, изъ оконъ, бьютъ насъ самопалами, камнями, дрекольемъ...»

Пробравшіеся наканунѣ въ Москву ратные люди воеводы Д. М. Пожарскаго помогли москвичамъ отбить поляковъ и загнать ихъ въ Кремль и Китай-городъ. Вмѣстѣ съ ними попали въ Кремль многіе люди московскіе, и, конечно, бояринъ Мстиславскій «съ товарищи», Салтыковъ и прочіе друзья поляковъ.

Въ московскихъ церквахъ гудѣлъ набатъ, при-

зывая народъ къ возстанію. Со всѣхъ сторонъ собирались люди, плотнымъ кольцомъ окруживъ сидѣвшихъ въ Кремлѣ. Охваченные страхомъ, поляки придумали «огнемъ выкурить непріятеля», и пытались въ нѣсколькихъ мѣстахъ запалить Москву. Москвичи, конечно, старались не допустить этого. Началась стрѣльба. Поляки дѣлали вылазки. Съ большимъ трудомъ имъ удалось, наконецъ, поджечь Бѣлый Городъ. Говорятъ, Михаилъ Салтыковъ первый поджегъ свой собственный домъ. По словамъ того же Мацкѣвича, «пламя охватило дома и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало русскихъ... Уже вся столица пылала! Пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе дома имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны, огонь охранялъ насъ... Мы бездѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, которые признавали необходимымъ сжечь Москву до основанія, чтобы отнять у непріятеля (т.-е. у ополченія Ляпунова) всѣ средства укрѣпиться...»

Эти «доброжелательные бояре» говорили полякамъ:

«Хотя вы всю Москву спалите, все же будете заперты въ стѣнахъ. Надо зажечь Замоскворѣчье, около котораго нѣтъ стѣнъ. Тамъ легко будетъ выйти, легко и помощь получить!»

Поляки послушали совѣта. Но поджечь Замоскворѣчье оказалось не такъ-то легко. Тамъ были стрѣлецкія слободы, и стрѣльцы, конечно, не пускали поляковъ. Только послѣ неимовѣрныхъ уси-

лій и съ большой потерей въ людяхъ полякамъ удалось зажечь и Замоскворѣчье. Три дня горѣла Москва. По Запискамъ другого поляка очевидца, во время пожара «въ чрезвычайной тѣснотѣ людей происходило великое убійство. Плачъ, крики женщинъ и дѣтей представляли нѣчто подобное дню Страшнаго суда. Многіе съ женами и дѣтьми сами бросались въ огонь, и много было убитыхъ и погорѣвшихъ. Такимъ образомъ столица Московская сгорѣла съ великимъ кровопролитіемъ и убыткомъ, который и оцѣнить нельзя». Кромѣ Кремля и Китай-Города почти все выгорѣло. Въ Великій четвергъ столица Московскаго государства представляла собою однѣ сплошныя груды пепла. Уныло торчали стѣны Бѣлаго Города съ башнями, почернѣвшія отъ дыма каменныя церкви, да разломанныя печи сгорѣвшихъ домовъ! Москвичи остались безъ пріюта и толпами бѣжали, куда глаза глядятъ, лишь бы избѣгнуть злой участи, ибо поляки, расхищая все, что̀ можно было взять въ уцѣлѣвшихъ церквахъ и домахъ, продолжали стрѣлять въ безпріютныхъ и раненыхъ людей. Многіе, спасаясь отъ поляковъ, побѣжали по троицкой дорогѣ, ибо Троице-Сергіевскій монастырь, по святому завѣту преподобнаго Сергія, былъ открытъ для всякаго проходящаго, особенно скорбнаго, голоднаго, безпріютнаго.

Нѣкоторые изъ москвичей пришли къ Гонсѣвскому бить челомъ о милости. Заставивъ ихъ снова цѣловать крестъ королевичу, Гонсѣвскій приказалъ своимъ прекратить убійства. Покорившіеся москвичи, въ отличіе отъ непокорныхъ, должны были имѣть особый знакъ—подпоясываться полотенцемъ.

Печально былъ встрѣченъ москвичами Свѣтлый праздникъ. Безпріютные, голодные, не имѣя куда преклонить голову, они бродили по пепелищу, разъискивая трупы своихъ родственниковъ, убитыхъ въ страшной рѣзнѣ.

«Да придетъ ли конецъ этимъ мученьямъ? Когда же явятся избавители? Скорѣй бы!»

И горячо молился о томъ же патріархъ, который за кремлевскими стѣнами продолжалъ сидѣть въ подземельи, «аки птица въ заклепѣ».

Въ понедѣльникъ на святой радостная вѣсть облетѣла Москвичей: все ополченіе Ляпунова подошло наконецъ къ Москвѣ!...

ГЛАВА XII.

Ополченіе подъ Москвой.—Его успѣхи въ борьбѣ съ поляками.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ ополченіе Ляпунова подступило къ Москвѣ, и эти три мѣсяца всѣ усилія ополченцевъ были безуспѣшны! Прекрасно обученныя польскія войска занимали Кремль, Китай-городъ и нѣкоторыя башни Каменнаго Бѣлаго города. Слѣдовательно, ополченію нужно было овладѣть этими укрѣпленіями, и это было нелегко! Ополченцы не могли рѣшиться на общій штурмъ, ибо не располагали хорошей артиллеріей, и потому весь апрѣль, май и іюнь дѣло ограничивалось лишь небольшими стычками съ поляками, причемъ главная забота ополченцевъ состояла въ томъ, чтобы не допустить къ осажденнымъ помощи и самимъ отстояться отъ польскихъ нападеній въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ между рѣками Яузой и Неглинной. И вотъ нако-

нецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, ополченію удалось овладѣть всей стѣной Каменнаго города и запереть поляковъ въ стѣнахъ Кремля и Китай-города. Такимъ образомъ было отрѣзано полякамъ всякое сообщеніе съ окрестной страной. Лишившись подвоза съѣстныхъ припасовъ, они не могли долго продержаться въ осадѣ. Наконецъ-то блеснула надежда на близкую побѣду надъ поляками! Воевода Ляпуновъ торжествовалъ.

Въ душную іюльскую ночь, послѣ дня упорной битвы, онъ не можетъ заснуть отъ радостнаго волненія и, выйдя изъ своего походнаго шатра, идетъ къ рѣкѣ Яузѣ и садится на берегу ея у самой воды.

Тихо кругомъ. Далеко раскинулся военный лагерь ополченцевъ. Но крѣпко спятъ въ своихъ палаткахъ утомленные горячимъ боемъ ратники. Медленно катитъ свои воды неглубокая, неширокая рѣка Яуза, и подъ тихій плескъ ея спокойныхъ волнъ вспоминаетъ воевода всѣ радости и печали съ того самаго дня, какъ призвалъ онъ рязанскихъ людей стать на защиту родины отъ поляковъ.

Что и говорить, полна кипучей дѣятельности была его жизнь за это время!

На его призывъ откликнулись военнослужилые люди многихъ городовъ. Недаромъ указывалъ онъ на то, что теперь они, провинціальные дворяне, должны взять въ свои руки дѣло защиты родины отъ враговъ!

Дѣйствительно, когда стало извѣстно, что въ Москвѣ всѣмъ владѣютъ поляки, а «седьмочисленные» бояре лишились власти, то въ уѣздахъ служилые люди «большихъ статей» поняли, что

съ паденіемъ боярскаго правительства разрушилась общественная вершина. Поняли и почувствовали, что теперь они, провинціальные дворяне, оказались «на верху» Московскаго общественнаго порядка и слѣдовательно имъ надлежитъ взяться за то дѣло, съ которымъ не справились бояре. Съ большимъ одушевленіемъ шли они къ Москвѣ. Пушечной пальбой, колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ провожали города и уѣзды свои рати. Къ рязанскому ополченію присоединились ратные люди Мурома, «муромцы съ окольными городы», рати изъ Нижняго-Новгорода—«понизовые люди», рати изъ Суздаля и Владимира, съ Вологды, Поморскихъ городовъ люди, «галицкіе люди», люди костромскіе, кашинцы, угличане, великія рати и большой «нарядъ», т.-е. орудія, прислалъ Ярославль съ окрестными городами!

Памятенъ былъ Ляпунову тотъ день, когда, среди сборовъ въ походъ, въ Рязань въ декабрѣ мѣсяцѣ пришла вѣсть о смерти Вора. Воръ—это пугало людей имущихъ, погибъ отъ руки убійцы! Его внезапная погибель заставила Ляпунова призадуматься. Какъ держаться съ приверженцами погибшаго самозваннаго «царя Дмитрія Ивановича?» Ихъ было много, они представляли собою грозную силу, съ которой необходимо было считаться. Одна ихъ часть держалась въ главномъ лагерѣ Вора, въ Калугѣ. То были оставшіеся ему вѣрными послѣ бѣгства его изъ Тушина нѣкоторые «бояре, окольничіе и всякихъ чиновъ люди» съ княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ во главѣ. Другая и многочисленная часть приверженцевъ Самозванца, казаки, сидѣла въ Тулѣ съ атаманомъ Заруцкимъ. Вотъ эта буйная казацкая вольница и смущала

Ляпунова. Обычаи казаковъ были ему хорошо извѣстны; достаточно наглядѣлся онъ на ихъ дѣянія, выступая рядомъ съ ними подъ знаменами Болотникова! Бывшіе крестьяне, бѣжавшіе съ боярскихъ и дворянскихъ пашенъ, казаки несли съ собою ненависть къ боярамъ вотчинникамъ и дворянамъ помѣщикамъ. Ихъ путь освѣщался заревомъ зажженныхъ ими помѣщичьихъ усадьбъ. Тамъ, гдѣ они проходили, оставалась мерзость запустѣнія.

Нѣтъ, не Ляпунову помѣщику было вступать въ союзъ съ казаками, врагами землевладѣльцевъ! Онъ понималъ это, но понималъ также и то, что нельзя было двинуться къ Москвѣ, имѣя у себя въ тылу враждебныя «воровскія» войска. Ляпуновъ понималъ, что безпокойная казацкая масса, со смертью Вора лишившаяся своего вождя, не останется равнодушной зрительницей начинавшейся борьбы съ поляками. Если не привлечь казаковъ на свою сторону, они могли перейти на сторону враговъ, и тогда дѣло спасенія родины стало бы дѣломъ большой трудности.

Въ Калугу сейчасъ же послѣ смерти Вора явились изъ Москвы польскіе люди съ цѣлью привлечь на свою сторону калужскихъ сидѣльцевъ. Надобно было спѣшить перетянуть «воровскія» силы на свою сторону, и Ляпуновъ разослалъ грамоты и въ Калугу, и въ Тулу, и въ Понизовье, и въ Поволожье и въ Астрахань къ атаманамъ и казакамъ, чтобы имъ «со всею землею быти въ любви, и въ совѣтѣ и въ соединеньѣ и идти на земскую службу подъ Москву»... Но одни увѣщанія не могли привлечь казаковъ, и въ награду за помощь Ляпуновъ обѣщалъ бывшимъ боярскимъ и дворянскимъ людямъ

волю и жалованіе: ...А которые боярскіе люди, и крѣпостные и старинные, и тѣ бы шли безо всякаго сумнѣнья и боязни: всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ!»

Что и говорить, обѣщаніе было слишкомъ заманчиво для бѣглыхъ людей, которымъ приходилось жить подъ страхомъ, что ихъ вернутъ къ ихъ прежнимъ господамъ!

И на призывъ Ляпунова откликнулось казачество съ атаманомъ Заруцкимъ во главѣ. Въ надеждѣ на волю и жалованье подъ Москву побѣжали съ помѣщичьихъ пашенъ толпы крестьянъ и холоповъ.

Явились изъ Калуги и служившіе Вору «бояре, окольничіе и всякихъ чиновъ люди» со своимъ вождемъ, княземъ Трубецкимъ.

Такъ составилось подъ Москвой стотысячное ополченіе. Среди этого ополченія, такого пестраго по составу, съ самаго начала пошли несогласія и раздоры. Необходимо было установить порядокъ. Чувствовалась потребность организовать правительство, которое временно, до успокоенія земли и до избранія Государя, завѣдывало бы дѣлами земли, ибо «седьмочисленное» боярское правительство распалось, а польскаго правительства никто не хотѣлъ знать. И ратные люди, собравшіеся подъ Москву, рѣшили «выбрати однихъ начальниковъ, кому ими владѣть, и имъ бы однихъ ихъ и слушати». И выбрали Ляпунова, Трубецкого и Заруцкаго. Для руководства выбраннымъ «троеначальникамъ» былъ выработанъ *приговоръ 30 іюня*. Согласно съ указаніями этого приговора «троеначальники и распоряжались дѣлами земли русской, назначали по городамъ воеводъ, разсылали по уѣздамъ грамоты съ

требованіемъ казны, раздавали ратнымъ людямъ помѣстья и жалованье, чинили судъ и расправу.

Прежде всего этотъ судъ и расправу пришлось чинить надъ своими же союзниками казаками, которые никакъ не хотѣли отстать отъ своихъ «обычаевъ» и цѣлыми станицами «человѣкъ по двѣсти и по триста, и больше» ѣздили по дорогамъ, въѣзжали въ села и въ города на посады, грабили и нерѣдко били людей.

Но всѣ эти неурядицы въ ополченіи, а также и казацкія своевольства не хотѣлось вспоминать воеводѣ Ляпунову послѣ первой крупной побѣды надъ поляками. Воображеніе рисовало ему свѣтлыя картины будущаго. Воевода представлялъ себѣ, какъ онъ въѣдетъ побѣдителемъ въ столицу, какъ поляки униженно будутъ просить пощады, какъ будутъ дрожать отъ страха за свою участь «седьмочисленные» бояре, Мстиславскій съ «съ товарищи», Михаилъ Салтыковъ и др.

«Измѣнники, предатели! Умѣли только унижаться передъ Сигизмундомъ, сдали ему Смоленскъ, допустили, чтобы король увезъ въ Польшу плѣнниками пословъ московскихъ, князя Голицына, митрополита Филарета, а вмѣстѣ съ ними и сверженнаго царя Василья Шуйскаго съ братьями! Не сумѣли бояре защитить Московскую землю отъ иноземцевъ, не сумѣли водворить въ ней порядокъ, а онъ, воевода Ляпуновъ собралъ ополченіе! онъ прогонитъ враговъ, успокоитъ землю и возстановитъ въ ней порядокъ, разрушенный смутой!

Онъ мечталъ о тѣхъ чинахъ и помѣстьяхъ, которыми наградитъ его будущій царь.

И не думалъ и не подозрѣвалъ воевода, что

за его спиной стояла бѣда. Она шла оттуда, откуда ее всего скорѣе можно было ждать, отъ его ненадежныхъ союзниковъ, отъ казаковъ...

ГЛАВА XIII.

Приговоръ 30 іюня. — Волненія среди казаковъ. — Убійство Ляпунова. — Распаденіе ополченія. — Хозяйничанье казаковъ.

Приговоръ 30-го іюня вызвалъ бурю негодованія среди казачества. Привлеченные на ратную службу подъ Москву обѣщаніемъ *воли и жалованья*, казаки ждали исполненія этого обѣщанія. И что же? Въ приговорѣ 30-го іюня они увидѣли подробную разработку вопроса о правильной раздачѣ помѣстій. Слишкомъ ужъ несправедлива была безтолковая раздача земель Сигизмундомъ и Тушинскимъ Воромъ, которые за вѣрную службу себѣ награждали своихъ слугъ непомѣрными земельными окладами, но зато безцеремонно отнимали земли у тѣхъ, кто не хотѣлъ имъ служить. Стараясь внести порядокъ и справедливость въ это дѣло, приговоръ объявилъ незаконными всѣ чрезмѣрныя пожалованія Вора и короля и постановилъ отобрать ихъ и раздать за ратную службу ратнымъ людямъ ополченія, примѣриваясь въ этой раздачѣ къ тому, «какъ было при прежнихъ россійскихъ прирожденныхъ государяхъ» до смуты. Казаки, прибѣжавшіе прямо съ пашенъ «боярскіе люди» вправѣ были ожидать, что ихъ не забудутъ при этой раздачѣ: развѣ они на ряду съ военно-служилыми людьми не стояли «за Московское государство противъ разорителей вѣры христіанскія?» Недаромъ же Ляпуновъ давалъ имъ свои обѣщанія!

Однако приговоръ 30-го іюня принесъ имъ горь-

кое разочарованіе: они не получили ни воли, ни помѣстій.

Почему же такъ случилось? Да потому, что составленіемъ приговора руководили тѣ, въ чьихъ рукахъ была сила. А сила была на сторонѣ помѣщиковъ, ибо они составляли главную массу ополченія. Нужно ли говорить, что составляя приговоръ, они позаботились прежде всего о своихъ выгодахъ! Помѣщикамъ нужно было, чтобы помѣстья были въ ихъ рукахъ, чтобы крестьяне сидѣли на ихъ земляхъ безвыходно, чтобы въ случаѣ бѣгства крестьянъ, ихъ можно было сыскивать и возвращать на мѣста. Словомъ, помѣщикамъ совсѣмъ невыгодно было давать крестьянамъ волю и жалованье.

Однако опрометчивое обѣщаніе Ляпунова стѣсняло ихъ. Нужно было какъ-нибудь уладить дѣло. И составители приговора попробовали выйти изъ этого затрудненія слѣдующимъ образомъ: изъ всей казацкой массы они выдѣлили тѣхъ казаковъ, которые «служили старо», т.-е. давно уже несли государеву службу. Московское правительство, нуждаясь въ людяхъ, нерѣдко пользовалось услугами людей, бѣжавшихъ отъ неволи, отъ тягла и отъ другихъ непорядковъ Московской жизни. Оно нанимало вольныя казацкія станицы защищать окраины отъ татарскихъ набѣговъ, селило ихъ въ укрѣпленныхъ городахъ, вводя въ составъ «приборныхъ людей», пушкарей, стрѣльцовъ и пр. Немногіе казаки шли на эту службу, ибо служить — значило признавать надъ собой власть правительства и принимать на себя обязательства по отношенію къ нему. Вотъ къ этимъ-то немногимъ «старымъ» казакамъ приговоръ и

отнесъ обѣщаніе Ляпунова. Имъ были даны за ратную службу однимъ помѣстья, — другимъ денежные оклады. Вся же остальная масса казачества и всякаго бѣглаго люда, пришедшая въ ополченіе Ляпунова въ надеждѣ на волю и жалованье, осталась ни при чемъ. Приговоръ гласилъ, что ихъ, людей бѣглыхъ, «слѣдуетъ сыскивать и отдавать назадъ прежнимъ помѣщикамъ». Такимъ образомъ средній служилый классъ въ своемъ приговорѣ не сдѣлалъ для низшихъ классовъ никакихъ уступокъ, никакихъ послабленій.

Можно представить себѣ негодованіе безпокойныхъ союзниковъ Ляпунова.

Какъ! вмѣсто обѣщанной воли, ихъ хотятъ вернуть къ ихъ прежнимъ господамъ, отъ которыхъ они убѣжали! Вмѣсто обѣщанныхъ помѣстій ихъ снова ждетъ тяжкій, подневольный трудъ на чужой землѣ! Да гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Подъ знаменемъ Болотникова выходили они искать лучшей доли, мстя сильнымъ людямъ за свою горькую участь. Ихъ постигла неудача и жестокими муками царь Василій заставилъ ихъ заплатить за эту попытку. Подъ знаменами Тушинскаго царя снова вышли они, чтобы взять то, что у нихъ отнимали — землю и волю. Новая неудача! Теперь Ляпуновъ приманилъ ихъ обѣщаніемъ дать и волю и землю, если они помогутъ дворянамъ возстановить въ московской землѣ государственный порядокъ, разрушенный смутой. Да зачѣмъ нуженъ имъ этотъ порядокъ, если готовитъ онъ имъ прежнюю кабалу! Вѣдь отъ этого самаго порядка, закрѣпощавшаго ихъ помѣщикамъ, они и бѣжали! Неужто затѣмъ бѣжали, чтобы помогать возстановленію его, этого порядка, выгоднаго для помѣщи-

ковъ и невыгоднаго для нихъ! И какъ могли они повѣрить обѣщанію помѣщиковъ, своихъ всегдашнихъ враговъ и закрѣпостителей! Развѣ не научилъ ихъ горькій опытъ? Развѣ забыли они, что эти самые дворяне-помѣщики, такъ же какъ и дворяне-вотчинники, когда заключали съ польскимъ королемъ договоръ 4 февраля и 17 августа, тоже оговорили въ нихъ, чтобы король не давалъ вольности крестьянамъ и холопамъ. Нѣтъ, видно, всякому до себя! Когда спасать отечество отъ иноземцевъ, которые тѣснятъ ихъ, такъ станемъ вмѣстѣ! А когда дѣлить землю — такъ вся земля наша, а вы наши холопы!

Нѣтъ, бѣглая казацкая масса рѣшительно была на это несогласна. Она волновалась и жаждала мести. Но кому? Всегда отвѣчаетъ тотъ, кто стоитъ на виду. А кто былъ главнымъ лицомъ въ дворянскомъ ополченіи? Конечно онъ, Ляпуновъ, ихъ вождь и руководитель. Конечно, онъ принималъ главное участіе въ составленіи приговора, онъ самый богатый среди помѣщиковъ. Ему и отомстить! Отомстить и за тѣ строгости и суровыя наказанія, которыми онъ преслѣдовалъ ихъ разбои!

И съ той поры казаки, по словамъ лѣтописца, «начали думать, какъ бы его убить».

Для злого дѣла не трудно было найти предлогъ. Гибели дѣятельнаго, энергичнаго вождя ополченія, конечно, всѣми силами желали и поляки, осажденные въ Кремлѣ. Въ одной изъ стычекъ съ ополченцами Гонсѣвскому попался въ плѣнъ казакъ. Онъ отправилъ его обратно въ казачій станъ, причемъ далъ ему въ руки грамоту, чтобы прочесть ее среди казаковъ. Казаки прочли.

Грамота обращалась къ городамъ съ увѣща-

ніемъ «гдѣ поймаютъ казаковъ, бить ихъ и топить». «А когда, Богъ дастъ, государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ!» Такими словами заканчивалась грамота. Подъ ней стояла подпись Ляпунова.

Озлобленные казаки, не долго думая, собрали кругъ и позвали Ляпунова.

«Ахъ, ты, измѣнникъ!»—закричали они, когда тотъ пришелъ. «Такъ-то ты даешь намъ волю и жалованье! Смотри, поляки перехватили твою грамоту». И они указали ему на подпись.

Ляпуновъ съ удивленіемъ прочелъ грамоту. Подпись была очень искусно поддѣлана подъ его руку.

«Нѣтъ, такой грамоты я не писалъ! Это сдѣлали мои враги»,—сказалъ онъ.

Но казаки не стали слушать объясненій воеводы. Они бросились на него и зарубили его саблями. Такъ жестоко поплатился вождь дворянскаго ополченія за свой союзъ съ казаками! Это случилось въ концѣ іюля, когда побѣда надъ поляками была уже близка.

Убивъ Ляпунова, казаки начали преслѣдовать ополченцевъ дворянъ. Они разграбили имущество Ляпунова, въ его помѣщеніи въ подмосковномъ лагерѣ и другіе «станы» дворянъ, всячески «лаяли и поносили ихъ», увѣчили, убивали. Въ страхѣ передъ казацкими насиліями служилые люди ударились въ бѣгство. «Послѣ Прокофьевы смерти, говоритъ лѣтописецъ, стольники, и дворяне, и дѣти боярскіе городовые изъ-подъ Москвы разъѣхались по городамъ и по домамъ своимъ, бояся отъ Заруцкаго и отъ казаковъ убойства»...

Такъ распалось ополченіе, пришедшее подъ

Москву спасать отечество отъ чужеземной власти! Такъ неудаченъ оказался союзъ дворянъ помѣщиковъ съ казаками, — бѣглыми крестьянами и холопами. Дворянамъ, какъ и боярамъ, не удалось спасти отечества. Они сами были разсѣяны казацкой силой.

Казаки торжествовали. Наконецъ-то! Послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ они хозяева въ странѣ! Боярское правительство было разсѣяно и очутилось въ плѣну у поляковъ, дворяне разбѣжались, и созданная ими въ подмосковномъ лагерѣ правительственная власть попала въ казацкія руки. Впервые за все время своего существованія казачество могло отпраздновать свою побѣду надъ высшими и средними классами Московскаго общества — надъ боярами вотчинниками и дворянами помѣщиками.

Какъ же воспользовались казаки своей побѣдой? Если боярство и дворянство въ своихъ приговорахъ высказалось за старый Московскій порядокъ, закрѣпощавшій крестьянскую массу, то что́ скажетъ казачество? Какія перемѣны попытается внести въ тотъ порядокъ, отъ котораго оно бѣжало въ степи привольныя?

Съ великимъ сокрушеніемъ повѣствуютъ современники о тѣхъ неистовствахъ казаковъ, которыя начались послѣ распаденія Ляпуновскаго ополченія. Разогнавъ служилыхъ людей, «учали они совершати вся злая по своему казацкому обычаю», грабили и разоряли населеніе уѣздовъ, побивали жителей, словомъ, безчинствами и буйствомъ ознаменовали свою власть въ странѣ. Такъ, на мѣсто ненавистнаго имъ стараго московскаго порядка, казаки побѣдители несли съ собой пол-

ное отсутствіе какого бы то ни было порядка, полное безначаліе и беззаконіе. Вмѣсто воли крестьянамъ они несли разореніе въ ихъ села и деревни, вмѣсто прежней раздачи помѣстій за службу, они начали прямой захватъ этихъ помѣстій. Теперь они самовольно брали то, въ чемъ имъ отказали и бояре и дворяне...

И люди, жаждавшіе порядка и успокоенія государства, видя такое разореніе земли, съ отчаяніемъ говорили:

«Видно не будетъ намъ избавленія! Чаять намъ всѣмъ погибели!»

Но судьба не хотѣла того.

ГЛАВА XIV.

Въ тюрьмѣ у Гермогена.—«Безстрашные люди».—Увѣщаніе Гермогена Нижегородцамъ.

Наступилъ августъ 1611 года. Яркіе солнечные дни смѣнялись теплыми звѣздными ночами, а въ мрачной тюрьмѣ, гдѣ томился патріархъ Гермогенъ, и день и ночь было темно. Крошечное оконце за желѣзной рѣшеткой почти совсѣмъ не пропускало свѣта. Тамъ, за стѣнами этой тюрьмы, кипѣла жизнь, бурная, полная тревоги и ужасовъ, тамъ раздавались проклятья враговъ, уничтожающихъ другъ друга, громкіе стоны и вопли раненыхъ, здѣсь въ тюрьмѣ царила почти гробовая тишина. Слышался только шопотъ молитвы. Лились тихія скорбныя слезы...

Ляпуновъ убитъ! Убитъ защитникъ отечества! На кого теперь надежда?

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ знаетъ о томъ Гер-

могенъ. Сторожъ, который приноситъ ему скудную пищу, служитъ ему вѣрнѣе, чѣмъ полякамъ.

Черезъ него патріархъ знаетъ о томъ, что творится за стѣнами его мрачнаго помѣщенія: знаетъ о насильственной смерти Ляпунова, о распаденіи ополченія, о захватѣ власти казаками, о ихъ безчинствахъ, знаетъ и больше того:

Послѣ Вора остался сынъ Иванъ отъ Марины Мнишекъ. Погибъ Воръ, Воренокъ остался!

Казаки провозгласили Воренка царемъ и заставляли города и уѣзды присягать ему. Они продолжали начатую Ляпуновымъ борьбу съ поляками, но старались овладѣть Москвой не ради возстановленія порядка, разрушеннаго Смутой, а ради того, чтобы посадить на царство своего царя.

Знаетъ патріархъ и то, что московскіе бояре, сидящіе въ Кремлѣ въ осадѣ, въ страхѣ передъ новымъ казацкимъ царемъ, отправили посольство къ Сигизмунду съ грамотой, въ которой просили короля или королевича немедленно явиться въ Москву и спасти ихъ отъ холопьяго нашествія.

Все знаетъ патріархъ, и скорбныя думы о судьбѣ родной земли томили его душу. Онъ видѣлъ, что русскимъ людямъ снова предстоитъ выборъ: либо король иновѣрецъ и иноземное плѣненіе, безчинства поляковъ и поруганіе православной вѣрѣ! Либо казацкій царь, своевольство бывшихъ холоповъ и полное разореніе земли!

«Господи, да неужто нѣтъ иного выхода, съ тоской думалъ онъ, неужто русской землѣ суждено погибнуть либо отъ разоренія воровскихъ шаекъ, либо отъ козней иновѣрнаго короля! Неужто съ гибелью Ляпунова все кончено? Господи, сжалься надъ русской землей, укажи ей путь къ спасенію!»

Такъ молился патріархъ, когда однажды въ его подземелье тихо, крадучись, прошли два человѣка. То были нижегородскіе люди, посадскій человѣкъ Родіонъ Мосѣевъ и боярскій сынъ Романъ Пахомовъ.

Патріархъ встрѣтилъ ихъ съ большой радостью. Не въ первый уже разъ видѣлъ онъ у себя этихъ «безстрашныхъ людей», которые, не взирая на польскую стражу, съ опасностью для собственной жизни, ухитрялись проникать въ его тюрьму. Черезъ нихъ патріархъ сносился съ Нижнимъ Новгородомъ, и когда начался сборъ Ляпуновскаго ополченія, черезъ нихъ увѣщевалъ онъ нижегородскихъ людей высылать свои рати подъ Москву на помощь рязанскому воеводѣ. Черезъ нихъ и нижегородскіе люди, глубоко чтившіе патріарха, спрашивали у него «подлинныхъ вѣстей» и указаній. Вотъ и теперь, Нижегородскіе ходоки пришли къ патріарху за совѣтомъ, что имъ дѣлать: послѣ того, какъ ихъ ратные люди вернулись изъ ополченія, убоясь казацкихъ безчинствъ, въ Нижній пришла грамота изъ Троице-Сергіева монастыря отъ архимандрита Діонисія. Грамота призываетъ ратныхъ людей снова идти подъ Москву на помощь казакамъ, продолжавшимъ осаду поляковъ въ Кремлѣ.

«Такія же грамоты, говорили ходоки, получены изъ Троицкаго монастыря и въ другихъ городахъ»...

«Нѣтъ, нѣтъ, торопливо прервалъ ходоковъ патріархъ, отнюдь не надо идти на помощь къ казакамъ! Нечистое не должно мѣшать съ чистымъ!»...

И патріархъ повѣдалъ о замыслѣ казаковъ посадить на Московскій престолъ Воренка.

«Не надобенъ проклятый Маринкинъ сынъ! скажите о томъ людямъ нижегородскимъ. И чтобы отписывали они во всѣ города о томъ же, чтобы не принимали въ цари Воренка! Не связывались бы съ казаками, потому казацкія дѣла теперь обнаружились: не спасенія родины хотятъ они, не порядка, одно воровство у нихъ на умѣ. Сами идите по городамъ, говорите о томъ всѣмъ людямъ!»

Патріархъ говорилъ спѣшно, волнуясь. Видно было, что онъ придавалъ большое значеніе казацкому движенію и всѣми силами хотѣлъ ему воспрепятствовать.

«Или не наглядѣлся троицкій архимандритъ на воровскія дѣла казаковъ, или зоветъ православныхъ на соединеніе съ ними? Или забылъ, какъ погубили они защитника отечества, доблестнаго воеводу Ляпунова? Измѣнники, воры! Дальше отъ нихъ!..»

Нижегородскіе люди съ глубокимъ вниманіемъ слушали святителя. Они старались запомнить каждое его слово, чтобы у себя въ Нижнемъ передать все, имъ сказанное. Затѣмъ вѣдь и прислали ихъ нижегородцы.

Когда, утомленный волненіемъ, патріархъ смолкъ, Родіонъ Мосѣевъ тихо заговорилъ:

«Въ Нижнемъ Новгородѣ видѣнье было одному человѣку, Григорью по имени. Увидѣлъ онъ въ полуночи, будто снялась крыша съ его дома, и свѣтъ великій осіялъ горницу, гдѣ онъ спалъ. И явились къ нему два свѣтлыхъ мужа и сказали, чтобы проповѣдывалъ онъ людямъ постъ и молитву, чтобы черезъ покаяніе очистилась русская земля отъ всякой скверны... и тогда будетъ ей очищеніе отъ враговъ!..»

Лицо патріарха просвѣтлѣло.

«Это гласъ Божій, проникновенно сказалъ онъ, говорите по городамъ, чтобы слушались люди того гласа, постились бы и молились, очистились бы отъ всякой скверны .. А тамъ собирали бы новыя рати и шли бы на очищеніе Московской Земли отъ враговъ, своихъ и чужихъ!..»

Патріархъ поспѣшно написалъ грамоту, въ которой увѣщевалъ нижегородскихъ людей стать «заодинъ» противъ разорителей государства, противъ поляковъ и казаковъ, благословилъ нижегородскихъ ходоковъ и, прощаясь съ ними, еще разъ увѣщевалъ ихъ не вступать въ союзъ съ казаками, а бороться съ ними какъ съ самыми лютыми врагами.

Ходоки ушли. Въ тюрьмѣ снова воцарилась тишина. Попрежнему въ ней слышался только шопотъ молитвы:

«Господи, сжалься надъ русской землей! Дай ей силу и одолѣніе надъ врагами, дай ей успокоеніе!»

ГЛАВА XV.

Движеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ. — Мученическая кончина Гермогена.—Очищеніе земли отъ враговъ.

«Безстрашные люди» бережно донесли грамоту патріарха. И началось новое движеніе по городамъ, центромъ котораго сталъ теперь Нижній-Новгородъ. Уже «не старѣйшій», не бояре, не дворяне взяли починъ въ дѣлѣ спасенія родины, теперь «юнніи начаша творити великое дѣло», зашевелились торговые люди, городскія посадскія общины, на мѣсто богатаго помѣщика Ляпунова здѣсь во главѣ дѣла

сталъ простой торговецъ мясомъ, земскій староста Козьма Мининъ.

Грамотами призывая города на защиту родины, нижегородскіе люди, по слову патріарха, увѣщевали ихъ отнюдь не вступать въ союзъ съ казаками.

И съ радостью откликались города и уѣзды на этотъ призывъ. Довольно наглядѣлись всѣ на безчинства казаковъ! Довольно натерпѣлась русская земля отъ ихъ царей самозванныхъ!

Какъ къ великому святому дѣлу, готовились люди къ очищенію земли отъ враговъ. Готовились трехдневнымъ постомъ и молитвой.

Зачуяли поляки недоброе, заслышавъ о новомъ движеніи въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Какимъ образомъ получаютъ города вѣсти отъ патріарха? Кто проникаетъ къ нему въ тюрьмы и переноситъ отъ него грамоты? И это теперь, когда послѣ распаденія Ляпуновскаго ополченія дѣла осажденныхъ въ Кремлѣ пошли лучше, когда они начали отбирать у казаковъ отвоеванныя ополченцами ворота Бѣлаго города. Уже начался подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ осажденнымъ. Еще немного и поляки, разсѣявъ казацкіе отряды, сдѣлались бы хозяевами въ Московской землѣ. И вдругъ это новое движеніе въ городахъ.

Поляки крѣпче заперли подземелье патріарха и смѣнили стражу, всячески стараясь, чтобы не долеталъ до земли его ободряющій голосъ.

И съ той поры, какъ ушли отъ него нижегородскіе ходоки, не зналъ патріархъ, что̀ творилось за стѣнами его тюрьмы.

Пришла осень. Наступилъ новый 1612 годъ *).

*) Въ то время годъ начинался съ 1-го сентября.

Осень смѣнилась суровой зимой, а патріархъ все еще томился въ своемъ заключеніи. Мыслями своими онъ уходилъ въ далекіе города.

Что-то тамъ? Дошелъ ли его голосъ до сердца православныхъ? Услыхалъ ли Господь Богъ его горячія молитвы?

Неизвѣстность угнетала патріарха, томила скорбью о судьбѣ родной земли.

Однажды, въ студеный февральскій день, низенькая дверь его тюрьмы съ шумомъ распахнулась и внесла въ сырое подземелье струю свѣжаго морознаго воздуха. Послышался лязгъ оружія и громкіе голоса.

Патріархъ не обернулся на этотъ знакомый ему шумъ: такъ грубо, шумно входили къ нему только поляки и Михаилъ Салтыковъ. Онъ продолжалъ молиться.

«Ты опять мутишь людей!»—громко крикнулъ Салтыковъ.—«Опять поднимаешь мятежъ въ русской землѣ!»

При этихъ словахъ патріархъ быстро обернулся.

Салтыковъ невольно отступилъ назадъ, такъ поразила его перемѣна, происшедшая въ патріархѣ за тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, въ которые онъ его не видалъ.

Вмѣсто крѣпкаго, коренастаго старика, онъ увидѣлъ передъ собой тщедушную, согбенную фигуру и безкровное, почти восковое лицо... Поношенная одежда складками сползала съ его худыхъ плечъ, блѣдныя руки, сжимавшія четки, казались застывшими.

Грозный окрикъ замеръ на устахъ измѣнника, и онъ значительно тише сказалъ:

«Владыка, ты созвалъ на насъ великія рати! Изъ Нижняго идутъ онѣ подъ Москву»...

Яркимъ свѣтомъ озарилась душа узника. Онъ упалъ на колѣни и простеръ руки къ образу Спасителя.

«Благодареніе Богу!»—съ глубокимъ чувствомъ произнесъ онъ.

Поляки, пришедшіе съ Салтыковымъ, съ негодованіемъ глядѣли на молящагося старца. А Салтыковъ уже овладѣлъ собою и снова грубо и рѣзко сказалъ:

«Не затѣмъ мы пришли, чтобы слушать твои молитвы. Напиши увѣщаніе Нижегородцамъ, чтобы не шли къ Москвѣ! Останови движеніе ратей!»

Патріархъ не поднялся. Онъ только повернулъ свое просвѣтленное радостью лицо и, глядя прямо въ глаза врагамъ, твердо произнесъ:

«Да будетъ надъ ними милость отъ Бога и благословеніе отъ нашего смиренія! А на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій, и да будутъ они прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!»

Внѣ себя отъ ярости Салтыковъ кинулся къ патріарху.

«Такъ умри же злой смертью!»—крикнулъ онъ.

Но что̀ значила эта угроза для старца, вся душа котораго загорѣлась свѣтлой надеждой на спасеніе родины!

17-го февраля 1612 года унылый звонъ Кремлевскаго колокола возвѣстилъ Москвѣ о кончинѣ патріарха Гермогена.

Вѣрные слуги польскаго короля исполнили свою угрозу: они уморили святителя голодной смертью.

Ободряющій голосъ патріарха Гермогена смолкъ навѣки. Но поляки ошиблись, если думали, что гро-

бовое безмолвіе святителя разстроитъ ряды новаго ополченія. Напротивъ, мученическая кончина патріарха придала силу и мощь движенію.

Слова патріарха, передаваемыя по городамъ нижегородскими ходоками, эти послѣднія увѣщанія покойнаго сдѣлались теперь какъ бы завѣтомъ мученика и тѣснѣе и крѣпче сплачивали русскихъ людей во имя защиты своей религіи и своей національности отъ чужеземнаго плѣненія. Въ ряды новаго ополченія шли разсѣянныя рати Ляпунова; захваченные общимъ одушевленіемъ, нѣкоторые казацкіе отряды, бросивъ свое воровство, шли къ нимъ на помощь; тяглые, торговые люди, напрягая послѣднія силы, собирали казну на военныя нужды. И второе ополченіе, руководимое нижегородскимъ мясникомъ Козьмою Мининымъ и воеводой Пожарскимъ, оказалось счастливѣе перваго ополченія. Въ октябрѣ 1612 г. былъ взятъ Кремль, и осажденные въ немъ поляки сдались. Московское государство начало понемногу успокаиваться отъ «Великой Разрухи», какъ называли это время современники. Казаки отказались отъ надежды посадить на московскій престолъ своего царя. Разсѣялись мечты поляковъ увидать царемъ московскимъ короля Сигизмунда или сына его Владислава. Въ іюлѣ 1613 года на русскій престолъ взошелъ сынъ плѣненнаго Сигизмундомъ митрополита Филарета, 16-лѣтній Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ.

кн
с

Зав.
Штемп.
Рек. кат.
Библ.

...ВИНЦІЯ".

Клейнъ. Г. Чудеса земного шара. Съ 84 рис. Цѣна 1 р. 35 к.
» Прошл. настоящ. и будущ. вселенной. 45 рис. 1. 25 к.
» Солнце. Съ 3 рис. 12 к.
» Луна. Съ 7 рис. 25 к.
» Звѣздный міръ 40 к.
Фламмаріонъ К. Земля. Съ рис. 35 к.
Фабръ. Насѣкомыя-мертвоѣды. 30 к.
„ Жуки навозники. 22 рис. 35 к.
„ Жизнь насѣкомыхъ. Съ 74 рис. Цѣна 1 р. 60 к.
„ Пчелы. Съ рис. 35 к.
„ Осы. Съ 28 рис. 45 к.
Говардъ. Комнатная муха. (печ.).
Оствальдъ В. Великіе люди. 2 р. 50 к.
Боммели. Исторія земли. Съ 253 рис. 2 р. 50 к.
Очаповскій. Сусликъ. Съ 12 рис. 15 к.
Рубакинъ. Чудо на морѣ. 10 рис. 15 к.

Иностранные авторы:

Эркманъ-Шатріанъ. Исторія одного крестьянина. 75 к.
Золя Э. Углекопы, полн. пер. 60 к.
Французъ К. Борьба за право. 50 к.
Вазовъ. И. Подъ игомъ. 50 к.
Бейерлейнъ. Іена или Седанъ? 50 к.
Грушецкій. Углекопы. 40 к.
Шиллеръ. Донъ Карлосъ. 30 к.
» Вильгельмъ Телль. 25 к.
» Марія Стюартъ. 9 рис. 40 к.
» Орлеанск. дѣва. 10 рис. 35 к.
Арнольдъ, Э. Свѣтъ Азіи. 75 к.
Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома. 1 р., въ папк. 1 р. 30 к., перепл. 1 р. 50 к.
Гюго В. Труженики моря. 45 к.
» Соборъ Парижской Богоматери. (печ.).
Киплингъ. Смѣлые мореплават. 50 к.
» Волчій пріемышъ 80 к.
» Рикки-Тикки. 8 к.
» Маленькій Тумай. 10 к.
» Чудо Пуранъ Багата 8 к.
» Слонъ бунтовщикъ 5 к.
Дефо. Робинзонъ Крузо. 1 руб.
Твэнъ. Принцъ и нищій. 13 рис. 50 к.
» Приключенія Тома. 50 к.
Ибаньесъ. Въ морѣ. 4 к.
Золя. Наводненіе 7 коп.
Уайда. Нюренбергская печь. 8 коп.
Андерсенъ. Дикіе лебеди. 11 рис. 12 к.
» Безобразный утенокъ. 6 к.
Андерсенъ. Мать. Съ 3 рис. 5 к.
„ Дѣвочка со спичками. 5 к.
» Дюймовочка. 7 рис. 8 к.
» Ель. Съ 2 рис. 6 к.
Лагерлефъ. Вифлеемскій младенецъ 8 коп.
» Кладезь мудрецовъ 5 коп.
» Платъ Св. Вероники. 14 коп.
» Красношейка. 4 к.
» Путешествіе мальчика по Швеціи. 1 руб.
* Джіованіоли. Спартакъ. 25 к.
Сервантесъ. Донъ-Кихотъ. 41 рис. 1 р.
Гуцковъ. Уріэль Акоста. 50 к.
Сенкевичъ. Камо грядеши? 80 коп.
Эберсъ. Дочь Египетскаго царя. 50 к.
» Уарда. Съ 33 рис. 60 к.
» Іисусъ Навинъ. 50 к.
По Джіованіоли. Спартакъ. Драма. 40 к.
Лабулэ. Принцъ-пудель. 25 к.
Ли Іонасъ. Отверженникъ. 15 к.
Конопницкая. Мендель Гданскій. 4 к.
Гебгардъ. Послѣдняя ночь Іуды. 2 к.
Додэ. Прекрасная Ниверneза 10 к.

Русскіе авторы:

Толстой Л. Кавказскій плѣнникъ. 5 к.
» Поликушка. 8 к.
» Три смерти. 4 к.
Успенскій. Неизлѣчимый. 6 к.
» Будка. 4 к.
Мельшинъ. Чертовъ Яръ. 5 к.
» Искорка. 4 к.
Погорѣловъ. Въ потьмахъ. 8 к.
» Аликаевъ Камень. 10 к.
Елпатьевскій. Присяжнымъ засѣдателемъ 3 к.
Ивановичъ. Степанъ Ежикъ. 15 к.
М. Ц. Гнѣдко. Разсказъ. 8 к.
Танъ. По бѣлу свѣту. 1 р.
» Русскіе въ Америкѣ. 1 р.
» Пашенькина смерть. 7 к.
» Черный студентъ. 4 к.
» Авдотья и Ривка. 8 к.
Телешовъ. Противъ обычая. 3 к.
Станюковичъ. За «щупленькаго». 3 к.
Данилинъ. Передъ праздникомъ. 1 к.
Серафимовичъ. Подъ землей. 4 к.
» Стрѣлочникъ. 4 к.
» Въ бурю. 4 к.
Семеновъ. Отчего Парашка не выучилась грамотѣ. 4 к.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРОВИНЦІЯ“.
Спб., Стремянная ул. 6.

Тимковскій. Среди людей. 6 к.
Сѣрошевскій. Пустынный островъ 25 к.
„ Матросы корабля „Надежда“. 25 к.
Станюковичъ. ● Исайка. 7 к.
„ ● Отчаянный. 5 к.
„ ● Оборотъ. 5 к.
Чириковъ. ● Бродячій мальчикъ. 7 к.
КОРОЛЕНКО. 1) ● Яшка. 10 к. 2) * Лѣсъ шумитъ. 7 к. 3) * Убивецъ 12 к. 4) * На Волгѣ. 3 к. 5) Послѣдній лучъ. 4 к. 6) Государевы ямщики. 8 к. 7) * На затменіи. 5 к. 8) Мгновеніе. 3 к. 9) * Парадоксъ. 5 к. 10) * Марусина заимка. 14 к. 11) * Тѣни. 7 к. 12) Морозъ. 5 к. 13) Соколинецъ. 8 к. 14) Ночью. 6 к. 15) * Старый звонарь. 3 к. 16) * Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. 3 к. 17) Сказаніе о Флорѣ. 4 к. 18) * Дѣти подземелья. 10 к. 19) Судный день. 15 к. 20) Сонъ Макара. 9 к. 21) Атъ Даванъ. 8 к. 22) Рѣка играетъ. (печ.). 23) Пріемышъ. 3 к.
Гаршинъ. Денщикъ и офицеръ. 4 к.
» Воспомин. рядового. 10 к.
» Сигналъ. 3 к.
» Происшествіе. 6 к.
Елеонскій. Папаша крестный. 7 к.
» Подпасокъ. 2 к.
Елпатьевскій. Гекторъ. 5 к.
МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ. 1) Озорникъ. 7 к. 2. Летные. 15 к. 3. Въ ученьи 10 к. 4) Великій грѣшникъ. 15 к. 5) Три друга. 5 к. 6) Вольный человѣкъ Яшка. 5 к. 7) Кормилецъ. 7 к. 8) Лебедь Хантыгая. 6 к. 9) Дикое счастье 1 руб.
Гусевъ-Оренбургскій. Кахетинка. 2 к.
ДМИТРІЕВА. 1) Червоный хуторъ. 1 р. 25 к. 2) Баба Иванъ и ея крестникъ. 25 к. 3) Первая корреспонденц. 4 к. 4) Всѣ люди братья. 8 к. 5) Митюха-учитель. 30 к. 6) Досвитки. 6 к. 7) Ее всѣ знаютъ. 4 к. 8) Майна-вира. 5 к. 9) Больничный сторожъ Хвеська 5 к. 10) Димка 20 к. 11) Ванька-бакланъ 9 к. 12) Волки. 7 коп.
Засодимскій. Хрон. села Смурина. 35 к.
Рубакинъ. Книгоноша. 12 к.
Чириковъ. Танино счастье. 7 к.
Лермонтовъ. Пѣсня про купца Калашникова. 3 к.
» Избран. стихотвор. 6 к.
» Бояринъ Орша 5 к.
» Мцири. 5 к.
Пушкинъ. Полтава. 7 к.
» Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. 3 к.
» Избранныя произведенія. 25 к.
Аксаковъ. Аленькій цвѣточекъ. 5 к.
ГОГОЛЬ. 1) Майская ночь. Съ 14 рис. 6 к. 2) Пропавшая грамота. Заколдованное мѣсто. 5 рис. 5 к. 3) Ночь передъ Рождествомъ. Съ 16 рис. *Маковскаго.* 8 к. 4) Страшная месть. 4 рис. 6 к. 5) Иванъ Ѳедоров. Шпонька. 4 к. 6) Старосвѣтскіе помѣщики. 4 к. 7) Тарасъ Бульба. 15 рис. 15 к. 8) Вій. Съ 6 рис. *Пимоненко.* 6 к. 9) Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Съ 4 рис. 6 к. 10) Ревизоръ. Съ 16 рис. 12 к. 11) Шинель. Съ 12 р. *Нилуса.* 5 к. 12) Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Съ 71 рис. 30 к. 13) Миргородъ. Съ 28 рис. 25 к. 14) Сорочинская ярмарка. 5 к. 15) Вечеръ накануне Ивана Купала. 7 рис. *Пимоненко.* 4 к.
Малиновскій. Библіотека народной школы. 40 к.
Некрасова. Народныя книги въ 25-ти лѣтн. борьбѣ с[...] бочной литературой.

*) Изд. М. А. Коломенкиной.
●) Изд. куплен. у В. И. Раппа.

Полный каталогъ склада по [...] бованію высылается безпла[...]

Обложка печатана въ типографіи 1-й Спб. Трудовой Артели — Лиговская, 34.